ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. ЛЕНИНА

А. С. Зёрнова

Начало книгопечатания в Москве и на Украине

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. ЛЕНИНА
ОТДЕЛ РЕДКИХ КНИГ И ЭСТАМПОВ

СОБРАНИЕ РАБОТ ПО КНИГОВЕДЕНИЮ

Под редакцией Н. О. Кучменко

ВЫПУСК I

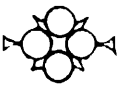
А. С. Зёрнова

Начало книгопечатания в Москве и на Украине

Москва 1947 г.

Обложку, титульный лист и заголовки
рисовал и гравировал на дереве
Б. В. ГРОЗЕВСКИЙ

от редакции



Настоящее исследование является первым в серии, предназначенной служить разработке вопросов научного книговедения—дисциплины сравнительно молодой и далеко еще не установившейся. Отдел редких книг ставит себе целью прежде всего привести в известность и собрать соответствующие материалы, что является необходимой предпосылкой для построения на их основе системы научного книговедения.

Издаваемые работы будут иметь разнообразный характер:

1) оригинальные научно-исследовательские труды;

2) исчерпывающие сводки по отдельным отраслям книговедения;

3) публикации первоисточников и материалов с комментариями;

4) переводы иностранных сочинений по таким вопросам, по которым литература на русском языке либо вовсе отсутствует, либо недостаточна.

Издаваемая в первом выпуске работа представляет результат многолетних занятий автора над первоисточниками книгопечатания в России и на Украине. Хотя по этому вопросу написано немало, однако работа т. Зерновой во многих частях открывает или вовсе неизвестные, или игнорировавшиеся прежними исследователями факты, и дает им частью совершенно оригинальное освещение, частью же превращает в достоверность такие взгляды, которым раньше можно было придавать лишь значение гипотез.

Выпуск II содержит исследование А. Ф. Коростина „Начало литографии в России“, также основанное на фактах,

впервые открытых или недостаточно изученных. Таким образом, два первые выпуска нашей серии показывают в новом свете возникновение в России двух основных способов размножения книг — типографии и литографии. Оба выпуска были напечатаны в 1941г. перед самым началом Великой Отечественной войны и лежали готовые в типографии „Печатный двор" в Ленинграде; они целиком сгорели при пожаре типографии. По техническим причинам перепечатка I выпуска задержалась до 1947 г., а выпуск II был перепечатан в 1943 году.

Первая типография в Москве

Начало московского книгопечатания не определено точной датой. Прежде официальным московским первопечатником считался Иван Федоров, так как было точно известно, что он напечатал первую московскую датированную книгу—Апостол 1564 г. Но в литературе уже свыше 70 лет говорят о том, что 1564 год не может считаться датой начала книгопечатания в Москве, так как существует группа так называемых анонимных изданий, которые, судя по разным признакам, были напечатаны в Москве, а часть их, несомненно, раньше 1564 г. Высказано было предположение, что и эти анонимные издания принадлежат тому же Ивану Федорову, и, следовательно, у него не отнимается роль московского первопечатника, а только Апостол 1564 г. перестает быть первой московской книгой[1].

[1] Викторов, А. Е. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564? (Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г., т. II, Киев, 1878). Леонид, архим. Евангелие, напечатанное в Москве 1564—1568. (Памятники древней письменности, вып. XXXVIII, Спб. 1883).

Известно, что никаких архивных документов, освещающих этот вопрос, не сохранилось, а литературные известия, как „Сказание о воображении книг печатного дела“ XVII в. и свидетельства современников, дают такой неполный и смутный материал, что, основываясь только на них, никогда нельзя было бы доказать, что книгопечатание началось в Москве раньше 1564 г. Однако теперь этот вопрос разрешен с несомненностью в положительном смысле, благодаря работе, произведенной Викторовым, архим. Леонидом и Гераклитовым[1] над самими книгами; при детальном, всестороннем изучении их, эти издания сами послужили историческими источниками. При том недостатке документов, о котором сказано, это и есть единственно верный путь для получения точных выводов.

Викторов и архим. Леонид проанализировали некоторые из этих изданий с точки зрения филологии, а также содержания тех частей, которые могут быть различны даже и в литургических книгах, и неоспоримо установили московское происхождение трех Евангелий, одной Псалтири и одной Триоди постной[2]. Также ими был изучен орнамент и шрифт. Гераклитов имел в своем распоряжении только три издания: одно Евангелие, одну Псалтирь и одну Триодь постную. Он изучил шрифты, подчеркнул их особенности, а главное внимание обратил на изучение бумаги и попытался датировать эти издания при помощи водяных знаков.

Идя путем сравнительного изучения шрифтов, удалось увеличить группу анонимных изданий еще на одну единицу ввиду полного совпадения шрифта 3-го из Евангелий со шрифтом еще одной Псалтири[3].

---

[1] Гераклитов, А. Три издания XVI в. без выходных листов. (Ученые записки Саратовского Гос. ун-та, Педфак, т. V, вып. 2, 1926).

[2] Как лишнее подтверждение московского происхождения Евангелий, можно указать слово „царь“ (гл. 65, зач. 106) в Евангелии от Матфея, напечатанное красным без всякого видимого основания в Евангелиях 1-го и 4-го шрифта. Кроме Москвы, нельзя указать никакого другого города, где в XVI в. печатали кирилловским шрифтом и где бы так хотели выразить почтение перед царской властью.

[3] Книга в России, I, Москва. 1924, стр. 82.

Группа получается следующая:

	Названия книг	Номера библиографий	Количество листов	Высота 10 строк
1	Евангелие	Ундольский 38 Каратаев 66	396 нн. лл.	108 *мм*
2	Псалтирь	Ундольский 135 Каратаев 82	280 нн. лл.[1]	тот же шрифт
3	Триодь постная	Ундольский 37 Каратаев 67	(1—319), (330—396), 2 пустых, (1—19), 1 пустой	83 *мм*
4	Евангелие	Ундольский 40 Каратаев 64	326 нн. лл.	107 *мм*
5	Евангелие	Ундольский 39 Каратаев 65	10 нн. лл., (1—168), 221 нн. лл.	125 *мм*
6	Псалтирь	Ундольский не указывает Каратаев 68	(1—124), (1—141)[2]	тот же шрифт

Из этого перечня видно, что шесть анонимных изданий напечатаны четырьмя шрифтами; перенумеровав и описав их, можно в последующем изложении обозначать издания по номеру шрифта и, таким образом, избежать недоразумений, которые легко случаются при работе над этими изданиями.

Шрифт 1—самый старый (10 стр. = 108 *мм*) с различными формами буквы *о;* кроме обычного, *о* с одной точкой в слове „око", с двумя точками в слове „очи", с крестом в слове „окрест", двойное в словах „двою", „обою". Подобной особенностью отличается шрифт краковского печатника XV в. Швайпольта Феоля; в обоих шрифтах это результат подражания рукописям, которым свойственна эта манера. Также из рукописей заимствована постановка двух точек над словами: „два", „две", „три" и замена *и* краткого двоеточием, поставленным над гласной, предшествующей этому *и* краткому. Как и в рукописях, встречается слияние двух букв в один знак: например, буквы *ху* слиты в имени апостола Луки для сокращения в знак *ѹ*. Между отдельными предложениями, а также в конце глав часто ставится двоеточие, а после него

[1] Число листов взято у Гераклитова; экземпляр Ленинской библиотеки значительно неполон.

[2] Полный экземпляр неизвестен.

знак, также встречающийся в рукописях ~. Этим шрифтом напечатано Евангелие и Псалтирь (1 и 2).

Архаичность шрифта, а также высшая степень незнания приемов типографской техники заставляют признать Евангелие и Псалтирь первыми опытами книгопечатания в Москве: строки выравнены только с левой стороны, с правой же они образуют извилистую линию; видимо, печатник не знал способов выключки строк; ни то, ни другое издание не имеет ни счета листов, ни счета тетрадей, что не встречается ни в одной старопечатной славянской книге, и может указывать на печатника, только что начавшего изучать свое искусство и, может быть, научившегося работать почти самоучкой. Как и все славянские книги, Евангелие и Псалтирь напечатаны двумя красками, черной и красной, но печатание сделано не в два приема, а в один, на что указывает смешение красок на границах (указано М. А. Добровым). Это также свидетельствует об отсутствии опытного руководителя.

Шрифт 2 (10 стр. = 83 *мм*) отличается от первого размером, но многие черты имеет тождественные: он имеет различные формы буквы *о*, кроме *о* с крестом; надстрочный знак в виде двух точек употребляется, как и в 1-ом шрифте; между предложениями и в конце глав ставится знак ~ после двоеточия, также есть знак, получившийся от слияния букв *а* и *у* — *су*. Этим шрифтом напечатана Триодь постная. В типографском отношении прогресс виден в расстановке цифр пагинации и частично сигнатур (от 13-й до 49-й тетради).

Одновременное печатание двумя красками продолжается приблизительно в первых десяти тетрадях (около 80 листов), дальше смешения красок незаметно, очевидно во время печатания этой книги произошла какая-то перемена: или мастера научились западному приему, или, вернее, среди них оказался мастер, знавший этот прием, и на следующих листах, где уже нет смешения красок на границах, можно заметить несоответствие в расположении красных и черных частей строк, т. е. красная часть выше или ниже черной, а также видна черная печать, накладывающаяся на красную, что может быть только при печати в два удара.

В 3-м шрифте (10 стр. = 107 *мм*) исчезают совершенно формы *о* с точками и с крестом, однако *о* двойное в словах „двою“ и „обою“ изредка попадается. Надстрочный знак в

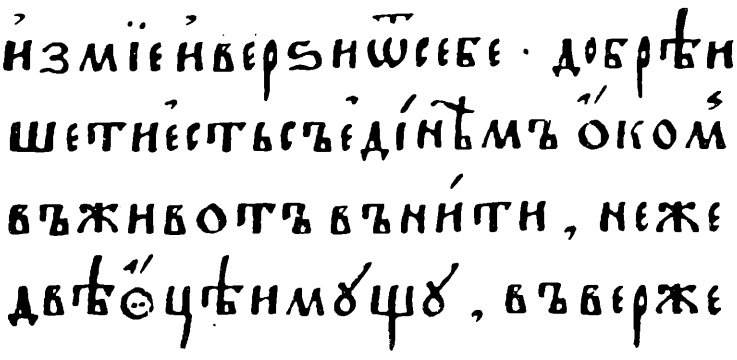
виде двух точек становится реже. Знак ≈ между предложениями и в конце глав исчезает, также нет больше слияния двух букв. Исчезновение из 3-го шрифта архаических черт свидетельствует, что он употреблен позже, чем два первых. Но странным образом в Евангелии, напечатанном 3-м шрифтом, не только не видно успеха со стороны типографского искусства по сравнению с Триодью постной, но оно даже идет назад по сравнению с ней в двух отношениях: в Евангелии снова нет пагинации, цифры стоят только на семи листах из всей книги (цц. 10—16 на лл. 18—24, считая от самого начала), и сигнатуры есть только на пяти тетрадях: на 2-й и с 6-й по 9-ю; во-вторых, снова совершенно ясно видно двухцветное печатание в один прием. Эти противоречивые указания должны быть еще проверены изучением бумаги, что будет сделано ниже. Но если все же придется признать, что Евангелие напечатано позже Триоди, то остается предположить, что прогресс, замеченный в Триоди, мог быть результатом кратковременного присутствия в типографии сведущего лица, навыки которого не сразу были усвоены в типографии, или же, может быть, это говорит о том, что Триодь была напечатана в другой типографии, так как именно она стоит совершенно особняком от других анонимных изданий, и в ней нет ни общего с ними шрифта, ни орнамента[1].

Шрифт 4 (10 стр.=125 *мм*), наиболее крупный, имеет только незначительные остатки архаических черт: две точки ставятся над словами „два“ и „две“, изредка над гласной, над словами „сиречь“, „ты“ (тыи). Двойное *о* совсем не употребляется.

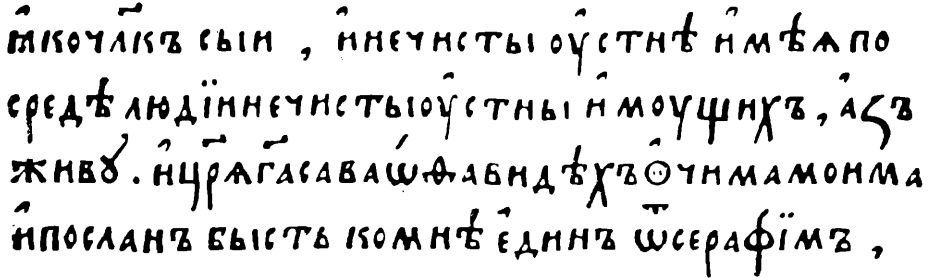
Все разобранные четыре шрифта имеют общее сходство с почерками московских рукописей. Друг от друга они различаются размером, но характер их имеет много общего, так же как и рисунок отдельных букв; таковы, например, строчные инициалы *М* 1-го и 3-го шрифтов.

3-й шрифт в отличие от других имеет стоячие палочки букв *п*, *в*, *б*, *н*, *и*, *к*, *т*, *г*, совершенно прямые, без изгиба,

[1] Также выделяет это издание и М. Н. Тихомиров (Начало московского книгопечатания. Ученые Записки М. Г. У., вып. 41, 1940, стр. 86) и считает его первым из анонимных изданий: ему кажется, что в нем разделение слов друг от друга сделано хуже, чем в Евангелии 1-го шрифта (Унд. 38, Кар. 66); по рисункам №№ 1-4 ясно видно, что во всех трех Евангелиях подчас нет совсем деления на слова.

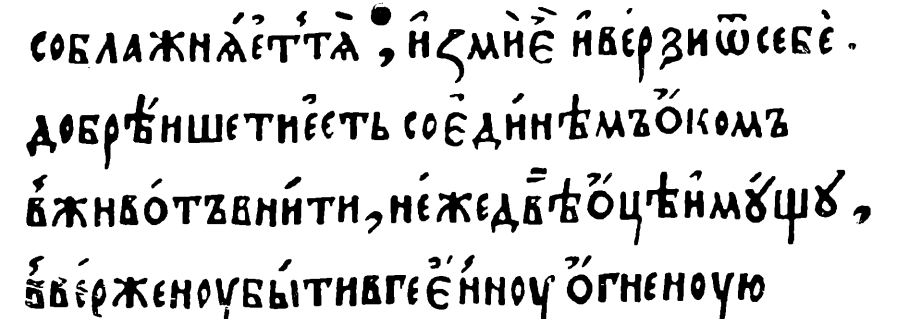


Шрифт № 1 (Евангелие, л. 68 б)

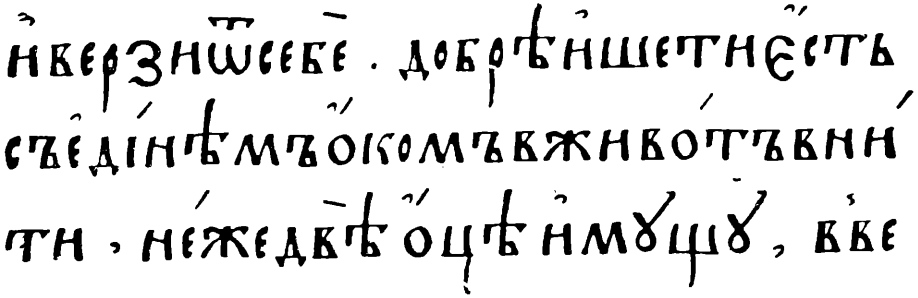


Шрифт № 2 (Триодь постная, л. 153 б)

Рис. 1—2. *Шрифты текста анонимных типографий.*



Шрифт № 3 (Евангелие, л. 50 б)



Шрифт № 4 (Евангелие, л. 58 б)

Рис. 3—4. *Шрифты текста анонимных типографий.*

свойственного рукописному почерку, и перпендикулярные к верхним и нижним перекладинам; эти перекладины не выступают ни вправо, ни влево за них.

В 4-м шрифте верхние перекладины букв *б*, *в*, *г*, *п* сильно выступают в бока за стоячие палочки, наподобие крышки. В буквах с двумя или тремя стоячими палочками эти палочки несколько изгибаются, подобно рукописным; они идут не совсем параллельно друг другу, а несколько расходятся книзу; этих особенностей нет ни в 1-м, ни во 2-м шрифтах. 4-м шрифтом напечатано третье Евангелие и вторая Псалтирь.

Все описанные выше четыре шрифта больше никогда не появляются в известных до сих пор библиографам изданиях (рис. 1—4).

Еще более полное исчезновение архаических черт из 4-го шрифта позволяет считать его более поздним, чем предыдущие. Двухцветная печать в обоих изданиях 4-го шрифта сделана в два приема, при этом черные и красные строки хорошо пригнаны. Пагинация проставлена в Евангелии на протяжении первой половины книги, сигнатуры есть почти на всех тетрадях, а в Псалтири счет листов и тетрадей проставлен во всей книге. Следовательно, в этих двух изданиях ясны признаки более высокой типографской техники, и потому они должны быть признаны самыми последними по времени из группы анонимных изданий, а из них двух Псалтирь должна считаться более поздней, чем Евангелие.

Можно ли считать, что все анонимные издания вышли из одной типографии?

Только полное совпадение шрифтов или орнамента может дать веское доказательство принадлежности двух или нескольких изданий к одной и той же типографии. Нельзя говорить, даже если шрифты очень похожи друг на друга, но все же совсем разные, например, не сходятся между собою по размерам, что, несомненно, их „готовил один и тот же гравер по одному и тому же рисунку“[1]. Если книга напечатана каким-либо шрифтом или имеет какое-либо печатное украшение, то всякий гравер может скопировать и шрифт и орнамент и повторять более

[1] Берков, П. Н. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова (в сб. „Иван Федоров первопечатник“, М.—Л., Академия наук СССР, Институт книги, документа, письма, 1935, стр. 104).

или менее близко в любой типографии. Поэтому также непонятна аргументация Беркова[1], что вследствие сходства орнамента Ивана Федорова и более позднего Невежинского исключается возможность пожара типографии Ивана Федорова. Точно нельзя было перерисовать орнамент с отпечатков, когда досок уже давно не было, сгорели ли они или были увезены! При простом сходстве дело идет о подражании одного мастера другому или о знакомстве их с общими образцами. Другое дело при тождестве, когда становится ясно, что печатник, работая над двумя или несколькими изданиями, держал в руках те же самые литеры, ту же самую доску. Тогда, действительно, эти произведения печати связываются в общую группу и их можно считать происходящими из одной типографии. Чтобы установить наличие одной и той же доски, надо подметить буквальное совпадение штрихов на сравниваемых отпечатках; особенно наглядно бывает совпадение одних и тех же дефектов: если такого совпадения нет, то никакие обобщающие выводы сделаны быть не могут.

Из шести анонимных изданий в пяти употреблены, несомненно, общие доски; так, во всех трех Евангелиях употреблена одна и та же доска заставки; другая доска заставки и доски инициалов *В*, *К* и *П*—в Евангелии и Псалтири 1-го шрифта; еще одна доска заставки и инициала *З*—в Евангелиях 1-го и 3-го шрифта, инициала *П* — в Евангелиях и Псалтирях 1 и 4 шрифта, инициалов *В* и *К*—в Евангелии и Псалтири 4-го шрифта.

Раз все перечисленные доски тождественны, очевидно, что все книги вышли из одной и той же типографии.

Изучение отпечатков со стороны постепенного изнашивания досок может несколько помочь в определении хронологического порядка выхода изучаемых изданий. Общая заставка в Евангелии и Псалтири 1-го шрифта отпечатана в Евангелии четыре раза и в Псалтири два раза. Из шести отпечатков первые два сделаны новой, еще не испорченной доской, это отпечатки перед двумя первыми евангелиями; четыре других—два во второй половине Евангелия и два в Псалтири, сделаны уже испорченной доской, так как боковые выступы основания еле отпечатались, доска, видимо, покоробилась, и

[1] Там же, стр. 106.

выступы перестали давать отпечатки; очевидно, что Евангелие начали печатать раньше Псалтири.

Орнамент анонимных изданий по манере гравирования и рисунку распадается на две части: у 11 заставок из 16 и у половины инициалов—черный фон, узор белым, растительный. Это признаки будущего московского орнамента, просуществовавшего больше 100 лет[1]. Но московский орнамент стал подражать рисункам Ивана Федорова, а рисунки анонимных изданий остались одинокими и не вошли в позднейший обиход книги. Только одна заставка из Евангелия, напечатанного 4-м шрифтом, очень близка к орнаменту Ивана Федорова и Невежи; но об ней будет сказано ниже. Прочие заставки явно отличаются от федоровских, главным образом, наивной манерой штриховки и схематичностью рисунка. Штриховка, где только возможно, сделана параллельными линиями; также заштрихованы, например, все трилистники, повторенные художником и в заставках и в инициалах; шишки изображены плоскими треугольниками, разделенными на ромбы, внутри которых поставлены иногда черточки или точки для изображения чешуек; окаймление заставок и элементы инициалов заполнены лиственными гирляндами, напоминающими акант; но в противоположность гирляндам федоровского орнамента гирлянды анонимных изданий сделаны часто совершенно параллельными штрихами, так что эти извивающиеся гирлянды очень однообразны. По внешним очертаниям заставки московского типа; московская заставка—это прямоугольник, лежащий на длинной стороне; основание его обыкновенно вытянуто в обе стороны, и иногда на этих выступах и на верхних углах помещены четыре украшения, иногда сделаны только два нижних или два верхних; посредине, наверху, обычно выступает еще и пятое. В заставках анонимных изданий есть мелкие отступления от этой формы: часто отсутствуют те или иные выступы; в одной заставке боковые стороны продолжены вниз, так что выступы сделаны ниже заставки. У одной заставки верхний выступ заменен приставным украшением, которое в этой же книге в другом месте употреблено в виде самосто-

[1] Т. е. до последней четверти XVII в., когда характер его изменился: наряду с растительными формами появились архитектурные, в изобилии появились священные изображения и кресты над заставками.

ятельного украшения на поле, притом оно выгравировано черным по белому, иначе, чем самая заставка, сделанная белым по черному; в этой виньетке посреди листьев и цветов изображена птица — явление в московской печатной книге XVI в. больше не встречающееся, между тем в рукописях такие примеры попадаются довольно часто (рис. 5).

И в некоторых других отношениях заставки анонимных изданий ближе к рукописным, чем позднейшие московские, например, иконы помещались в рукописных заставках XVI в., а заставка в 1-м Евангелии с евангелистом Матфеем — единственная на протяжении 100 лет (первая после нее появилась в 1655 г.); также и элементы узора заставок и расположение его иногда сходно с рукописями: окаймление заставок с трех или четырех сторон, выделение среднего пространства двойной полукруглой дугой, обилие трилистников. Все эти черты можно встретить в рукописных заставках византийского стиля, но они не привились в печатных книгах. Плетеные инициалы *В* и *З* из Евангелия 4-го шрифта явно взяты из рукописей.

Из разнообразных инициалов анонимных изданий ясно выделяются два алфавита: один, сделанный для Евангелия и Псалтири 1-го шрифта, и другой—для Псалтири 4-го шрифта. Алфавиты гравированных инициалов одного определенного размера и стиля в московской печати позднее не создавались, и алфавиты анонимных изданий не повторены и не нашли подражания. Особенно интересен второй алфавит: очертания инициалов крайне просты; это очень высокие узкие буквы, образованные белыми тонкими полосками; простые очертания их обвиты густым растительным орнаментом. С первого взгляда кажется, что они совсем иначе сделаны, чем заставки, но при более внимательном сравнении видна и одинаковая манера штриховки и даже совершенно совпадающие элементы узора, например, в виде пятилепестных цветочков, изображенных с нижней стороны. Интересно, что гравер сначала вырезал некоторые инициалы на черном фоне, но потом увлекся новой манерой и решил снять черный фон, так что почти все инициалы вырезаны уже по-новому, черным по белому (рис. 6—8).

Вторая часть орнамента анонимных изданий, черным по белому, встречается только в двух самых поздних изданиях,

Рис. 5
Украшение из Евангелия 4-го шрифта

Рис. 6

Рис. 7

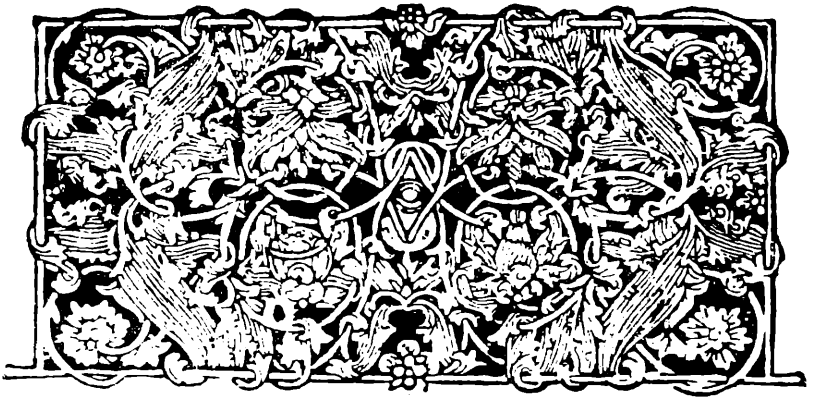


Рис. 8
Заставки и инициалы из Евангелия 4-го шрифта

Заставки из Евангелия 4-го шрифта

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Заставки из Часовника 1565 г.

Евангелии и Псалтири 4-го шрифта, и резко отличается от московского. Одна из заставок этого вида состоит из легких спиральных завитков; на большинстве других узор образован извивающимися двойными линиями. Очень интересно, что рисунок того и другого типа встречается и в заставках Часовника 1565 г. Растительный элемент в них входит лишь как добавление к этим извивающимся линиям (рис. 9—12).

Последовательность, в которой выходили анонимные издания, и их принадлежность к одной типографии выясняется бесспорно из сравнения их друг с другом. Но точное их датирование — вопрос гораздо более мудреный.

Самый неоспоримый материал дается записями, так как запись показывает, позже какой даты не может быть издание. К сожалению, таких записей очень немного, и они, может быть, недостаточно ранние:

Евангелие 1-го шрифта	1561 г.[1]
Триодь постная	1562 г.[2]
Евангелие 3-го шрифта	1563 г. — экз. Гос. Ист. М. (Щап. 16).
Евангелие 4-го шрифта	1569 г. — экз. Гос. Ист. М. (Щар. 14).

О последнем Евангелии 4-го шрифта в литературе[3] высказано мнение, что есть экземпляр этого издания с надписью 1564 г., но не указано, где этот экземпляр находится; при личном разговоре выяснилось, что автор разумел экземпляр, описанный у Пташицкого[4]. Но это мнение оказалось результатом недоразумения: у Пташицкого описано Евангелие 3-го, а не 4-го шрифта, как это указал И. А. Бычков в присланной им справке, кроме того, надпись, воспроизведенная у Пташицкого, прочитана с ошибкой, т. е. неверно высчитан год: должен быть 1566, а не 1564 г.[5].

---

[1] Гераклитов, А. Три издания XVI в без выходных листов. (Ученые записки Саратовского гос. ун-та, Педфак, т. V, вып. 2, 1926).

[2] Там же, стр. 5.

[3] Книга в России, т. I, М. 1924, стр. 81.

[4] Пташицкий, С. Л. и Соболевский, А. И. Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий, ч. 1, Спб., 1895.

[5] Шифр этого Евангелия в Публ. б-ке им. Салтыкова-Щедрина 1. 3. № 5а: Лета 7074 года, марта 29 день... Сомнення в годе быть не может, так как надпись сделана ясным крупным полууставом; дата воспроизведена у Пташицкого в „Сборнике снимков" на табл. XIV.

Таким образом, нет надписей, которые заставляли бы отнести хотя бы самые ранние из изучаемых изданий к 1550-м годам[1]. Конечно, это отсутствие ранних надписей ничего не доказывает, оно только не дает веского подтверждения в пользу существования книгопечатания в Москве в 1550-х годах, и факт этот приходится доказывать иначе. Надо заметить, кроме того, что нет надписей, заставляющих признать все анонимные издания до-федоровскими. Из надписей видно только, что некоторые из этих изданий вышли раньше Апостола 1564 г., и этим устанавливается факт существования типографии в Москве ранее начала работы над Апостолом.

Как уже сказано выше, работа по датированию трех первых изданий была сделана Гераклитовым. Он настолько тщательно проделал эту работу, что ее возможно только несколько дополнить воспроизведением водяных знаков и ссылкой на справочники, которых у него недоставало. Он относит Евангелие 1-го шрифта к 1551—1552 гг., Псалтирь того же шрифта—к 1553—1554 гг. и Триодь постную—к 1555—1556 гг.

Общее замечание, возникающее при чтении его работы, заключается в том, что он возлагает слишком большие надежды на точность датирования при помощи водяных знаков. Брике[2] говорит, что отсутствие точности датирования так несомненно, что доказывать его—все равно, что ломиться в открытую дверь.

В вопросе о пользовании водяными знаками, несмотря на труды Лихачева, Брике и др., остается еще много не вполне выясненных сторон. Для определения необходимо соблюдать точность совпадения знаков, а с другой стороны при работе над ними становится ясно, что вполне тождественными они бывают редко. Брике указывает, что они часто и не могут быть тождественными: даже при одновременном изготовлении бумаги знаки должны были получаться несколько разного вида, так как на бумажной мельнице работали несколькими формами, и каждая могла до известной степени отличаться от других; кроме того, клеймо, как вещь в высшей степени

---

[1] В настоящее время на Евангелии 3-го шрифта известна надпись 1559 г; она приведена в вышеупомянутой статье М. Н. Тихомирова.

[2] Briquet, C. M. Les filigranes, Leipzig, 1923, т. I, стр. XVIII.

хрупкая и деликатная, быстро изнашивалось[1]. Самый альбом Брике вовсе не включает всего разнообразия известных ему знаков: из 44 тыс. зарисовок он выбрал всего только 16 тыс., откинув варианты, как лишний груз[2]. „Il a fallu faire un choix dans le nombre en prenant pour règle de reproduire dans chaque groupe la variété la plus ancienne en date, puis là où c'était utile ou nécessaire, les spécimens les plus caractéristiques“[3]. Ясно поэтому, что нечего надеяться на получение полного совпадения изучаемых знаков с указанными в справочниках, если знак существовал долго и имел много вариантов. Но, с другой стороны, Брике указывает на необходимость точного совпадения обследуемых знаков, которое может быть доказано только калькированием.

Кроме того, следует отметить, что мнения Лихачева и Брике значительно расходятся в вопросе о залежности бумаги. Лихачев думает, что она не может быть больше 10 лет, а Брике считает это мнение субъективным и чисто произвольным. Его мнение, что срок, указываемый водяным знаком, значительно длиннее: если есть только один знак, известный по одной дате, то он дает очень широкие границы, не меньше 15 лет ранее и 15 лет после, т. е. рукопись датируется в пределе 30 лет. Чтобы пользоваться знаком, надо знать пределы, в которых он употреблялся, т. е. время, близкое к его появлению, и приблизительное время его исчезновения, тогда бумага датируется внутри этих пределов с поправкой на залежность. Может быть, для русских условий мнение Лихачева больше соответствует действительности, т. е. при бедности Москвы и отсутствии капитала закупки делались больше по мелочам, и бумага немедленно расходовалась, не залеживаясь. Разрешать такие вопросы не входит в задачи настоящей работы, здесь следует только указать, насколько трудно точно датировать книгу. При наличии нескольких знаков Брике указывает крайние даты всех знаков и годы, общие всем знакам, с достаточной вероятностью считает годами появления книги. Если у него результат подсчета выходит в пределе

[1] Там же, стр. XXIX.

[2] Там же, стр. XV.

[3] „Приходилось делать выбор из общего числа знаков, воспроизводя для каждой группы наиболее ранний вариант, а там, где это было полезно или необходимо, также наиболее характерные образцы“.

10 лет, он считает этот подсчет вполне удовлетворительным. Подсчитывая для проверки своего метода дату одного инкунабула, он получает результат от 1471 до 1479, тогда как инкунабул на самом деле был 1480 г., но большего он и не ждет от знаков. Брике никогда не прибегает к грубому подсчету, чисто арифметическому, т. е. выводу среднего арифметического из всех дат, связанных с разными знаками.

Между тем почти все знаки изучаемых анонимных изданий принадлежат к числу весьма распространенных и существовавших значительное количество времени, а потому работа с ними очень затруднительна. Некоторое число их совсем отсутствует в использованных справочниках, а большое число отступает от приведенных в справочниках образцов, так что ими можно пользоваться, лишь относя к какой-либо целой их группе, а не к определенному экземпляру; есть еще некоторое количество, попадающихся редко и случайно плохо вышедших на бумаге, что также не дает возможности ими воспользоваться. Но следует положить начало воспроизведению наиболее типичных вариантов знаков, не встречающихся в справочниках, а также тех знаков, которых совсем нет в справочниках.

Евангелие 1-го шрифта напечатано на немецкой бумаге; первые 300 листов каждого экземпляра [1] — на бумаге со знаком кабана или свиньи, значительное количество — со знаком тиары или короны, конец — со знаком медведя в ошейнике с бубенчиками или кругами и отдельные листы — со знаком шута. В приложении 1-м подробно перечислены номера знаков по справочникам, с которыми можно сблизить изучаемые знаки, а также воспроизведены знаки, не встречающиеся в справочниках; здесь же будут приведены лишь даты тех знаков, которые удалось так или иначе определить; иногда ввиду почти постоянного несовпадения знаков и обилия вариантов будут даны самые широкие границы, в пределе которых употреблялся знак, с указанием в некоторых случаях дат тех отдельных вариантов. которые совпадают более или менее точно.

---

[1] В Библиотеке им. В. И. Ленина имеется 5 экземпляров.

В Евангелии 1-го шрифта следующие знаки:

	Годы
Кабан—1503—1575 гг; совпадающие знаки указывают на	1554 — 1575
Тиара с крестом из трилистников или с жемчужинами	1568 — 1580
Тиара с простым крестом 1544—1558, совпадающий знак	1558
Медведи большого размера	1534 — 1569
Медведи меньшего размера, совпадения нет . .	1506 — 1560

Годами, общими для всех знаков, являются здесь годы 1558—1560, но, конечно, нельзя утверждать, что Евангелие было напечатано именно в эти годы, хотя бы потому, что часть знаков вовсе не определена.

Начиная с Псалтири 1-го шрифта бумага употребляется французская. Знаки следующие:

	Годы
Сферы среднего и малого размера[1] . . .	1550-е и 1560-е
Большая сфера, которую держит рука	1536 — 1555
Сфера с лилией наверху, с инициалами *I B* .	1548 — 1564
Инициал *I*, может быть, представляющий собою остаток изломанного клейма предыдущего знака	нигде не встречается.
Перчатка с короной	нет в экземпляре Библиотеки им. Ленина, знак указан у Гераклитова.
Общие для всех знаков годы	1550—1555

Но Псалтирь несомненно позже Евангелия; это видно и по указанному выше дефекту одной из досок и по обособленности бумаги Евангелия. Настаивать, что Псалтирь напечатана непременно до 1555 г. нельзя, имея в виду все вышеизложенные соображения о датировании при помощи водяных знаков.

---

[1] Кружок, изображающий сферу, имеет в диаметре от 2 до 3 *см*.

Сводка дат знаков Триоди постной так же осложняется присутствием знака большой сферы, так как ее даты совсем не совпадают с датами некоторых других знаков.

	Годы
Сфера малого и среднего размера	1550-е—1560-е
Большая сфера, которую держит рука	1536 —1555
Сфера с инициалами *I* и *B*	1518 —1561
Кувшинчик с 2 ручками на поддоннике.	1555 —1567
Кувшинчик с 2 ручками без поддонника	1553 —1564
Рука с рожком на ладони	1564
Рука с лилией на ладони	1564
Рука с короной, рукав с фестонами	1551 —1575
Рука с короной, рукав гладкий	1557 —1562
Кораблик (по Лихачеву)	1559 —1567

Если оставить в стороне знак большой сферы, все остальные приходятся на конец 1550-х или начало 1560-х годов.

В Евангелии 3-го шрифта знаки тех же видов, что в Триоди, только в нем нет знака большой сферы с инициалами *I* и *B*; вследствие отсутствия раннего знака большой сферы можно считать это Евангелие более поздним по сравнению с Триодью, т. е. если Триодь можно отнести приблизительно к 1560 г., то Евангелие 3-го шрифта следует признать напечатанным незадолго до Апостола 1564 г., так как здесь, кроме того, больше знаков, общих с Апостолом. Еще большая близость знаков Евангелия и Псалтири 4-го шрифта к знакам Апостола и Часовника позволяет датировать их годами, близкими к ним.

Вопрос о том, кто был печатником анонимных изданий, едва ли когда-нибудь получит окончательное разрешение, т. е. имя печатника, вероятно, навсегда останется неизвестным. Однако документально известно имя одного русского печатника, уже работавшего в Москве в 1556 г. В этом году Иван Грозный писал новгородским дьякам: „Мы послали в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева посмотреть камень, который приготовлен на помост“[1] в такую-то цер-

[1] Дополнения к актам историческим, собранным Археографическою комиссиею. Спб. 1846, т. I, стр. 148: 1556 г. февраля 9. „От царя... Ивана Васильевича... в Великий Новгород, диаком нашим Федору Борисову сыну Еремеева да Казарину Дубровскому. Послали есмя в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева, а велели есмя ему досмотрети камени...

ковь. Из дальнейших слов письма видно, что Маруша Нефедьев был не только печатником, но и резчиком по камню. Царь дал ему еще поручение привезти в Москву искусного новгородского мастера Васюка Никифорова, который „умеет всякую резь резать". Иван Грозный говорит о Маруше Нефедьеве, как о хорошо известном ему человеке. По выражению „мастер печатных книг" как будто получается впечатление, что царь уже видел и книги, в печатании которых Маруша Нефедьев играл какую-то роль. Конечно, по этому письму ничего определенного о Нефедьеве сказать нельзя: был ли он мастером именно в анонимной типографии и если был там, то какую роль играл — руководящую или второстепенную — остается неизвестным, и решать вопрос об участии Ивана Федорова в печатании анонимных изданий приходится иным путем.

После тщательного изучения внешности этих изданий одно только можно сказать с уверенностью: это — что их печатал не Иван Федоров. Предположение о принадлежности их Ивану Федорову было высказано еще Викторовым и архим. Леонидом. Первый указал на ошибку в годе в послесловии к Апостолу 1564 г., на основании которой ему показалась заманчивой мысль отодвинуть начало работ по устройству типографии Ивана Федорова к началу 1550-х годов, а архим. Леонид указал на сходство заставки в Евангелии 4-го шрифта и в Апостоле 1564 г. и высказал предположение, что ввиду этого сходства можно думать, что печатник обоих изданий был одним и тем же лицом. С тех пор многие исследователи отмечали это сходство и приходили к тем же выводам; но, странным образом, отмечая это сходство двух заставок, никто из них не попытался точно установить, как напечатаны эти заставки: с одной доски или с двух разных. Как уже раньше говори-

---

И как Маруша того камени досмотрит, скажет вам, что тот камень пригодитца в помост в церковной... и вы б того камени досмотрели сами, да и мастеров к тому камени подобыли... или будет сам Маруша похочет на том камени поискуситись, лице наложити... и вы б того камени прислали к нам на образец, камеця два или три, с Марушею ж вместе... Да Маруша ж нам сказывал, что есть в Новегороде Васюком зовут Никифоров, умеет резати резь всякую: и вы б того Васюка прислали к нам, на Москву, с Марушею ж вместе".

1556 г. марта 22... „Послана к вам грамота, наперед сего, с печатным мастером с Морушею с Нефедовым..."

лось, только общность доски может позволить делать какие-либо сближения группы изданий. А между тем заставки Апостола и Евангелия совсем не тождественны, а только сходны вследствие перерисовки: если в одном случае одна из двух переплетающихся ветвей идет вправо поверх другой, идущей влево, то на другом отпечатке наблюдается обратное, так называемое зеркальное изображение. Доски, которыми были оттиснуты заставки,—разные, это несомненно и не является субъективным впечатлением. Другая черта, делающая эти доски несходными между собою,—это качество и искусство работы: сразу видно, какой тонкостью, изяществом и смелостью линий отличается доска Апостола и насколько грубее доска Евангелия (рис. 13, 14).

Если дело идет только о перерисовке, то соблазнительная мысль приписать Евангелие Ивану Федорову теряет основание, никакого веского указания для сближения Евангелия и Апостола нет. Допустив, что, несмотря на разницу досок, все-таки Иван Федоров является печатником этого Евангелия, можно представить себе два случая. 1) Если Евангелие было им напечатано после Апостола, то зачем же было ему резать новую доску, когда у него под руками была доска из Апостола, гораздо лучшая? Забегая несколько вперед, следует указать, что она не только не пропала у него в Москве, но и потом хранилась у него и с ним вместе попала во Львов, где с нее снова были сделаны отпечатки. Очевидно первое предположение не убедительно. 2) Если допустить, что он напечатал Евангелие раньше Апостола, то все-таки непонятно, зачем он стал снова перерезывать доску, употребленную в Евангелии; конечно, она могла как-нибудь пропасть. Тогда интересно сопоставить, как поступал Иван Федоров во Львове, если ему случалось перерезывать прежние доски; таких случаев 10, и ни в одном из них он не перерезывал рисунка в зеркальном виде, а повторял прежний рисунок возможно более точно, так что только с большим трудом можно отличить старые доски от новых. Кроме того, Иван Федоров в послесловии называет Апостол своей первой книгой: когда типография была готова, то они с Петром Тимофеевым „первее начаша печатати сия святыя книги деяния апостольская". Так же говорили и другие печатники о своей первой книге: Андроник Невежа при пе-

Рис. 13

Заставка из Апостола 1564 г. (л. 134 а)

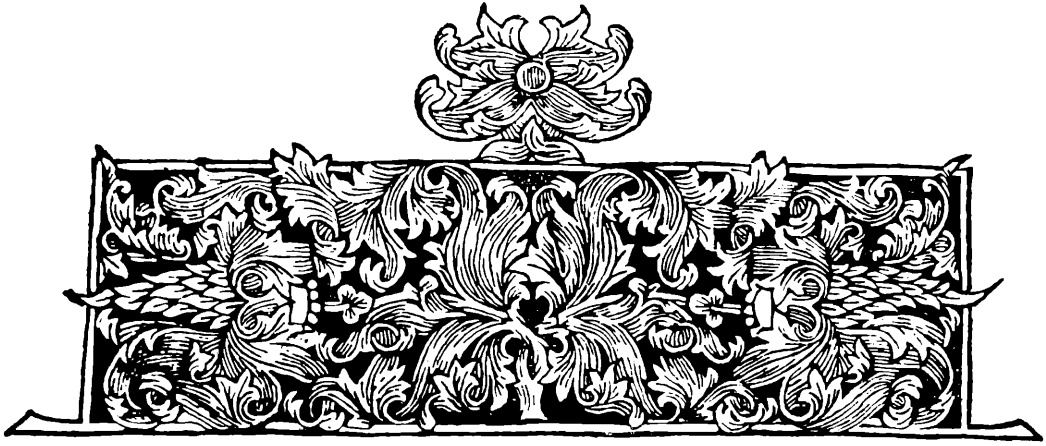


Рис. 14

Заставка из Евангелия 4-го шрифта (л. 115 а 3-го счета)

чатании своей первой книги Псалтири в 1568 г.: „составися штанба сия в лето 7076 марта в 8 день и первие начаша печатати сию книгу пророческую часть". Фофанов о Минее общей 1609 г.: „и первие повеле... царь... заложити в дело в сию новую штаньбу и произвести новым сим печатным тиснением сию богодухновенную книгу минею общую" и. т. д. Так что и второе предположение оказывается неубедительным. Остается сделать вывод, что доску для Евангелия резал другой печатник и решить, которая же из досок вырезана раньше. Точного ответа на этот вопрос, конечно, нельзя дать, а можно высказать лишь следующее соображение: можно указать целый ряд заставок, с которых были скопированы другие, более поздние; все копии в художественном отношении много ниже, чем их оригиналы; поэтому ввиду несомненного превосходства заставки Апостола ее следует считать оригиналом, а худшую работу — подражанием; такое же подражание, еще менее высокого достоинства, видно и в заставке Андроника Невежи, вырезанной им для Апостола 1597 г.

Сравнение этих заставок Евангелия и Апостола, так же как и сделанный выше анализ анонимных изданий со стороны шрифтов и орнамента в целом, манеры печатания, манеры нумерации тетрадей, указывает на других мастеров. Применение счета тетрадей в изданиях большого формата не практиковалось Иваном Федоровым не только в Москве, но и на Западе, где ему счет тетрадей легко было позаимствовать из книг иностранной печати; но его нет ни в львовском Апостоле, ни в острожской Библии. Только в изданиях малого формата он употребил сигнатуры: в Часовнике, в котором зато нет пагинации, и в острожском Новом Завете, где есть и пагинация и сигнатуры [1]. Манера Ивана Федорова не нумеровать тетрадей в книгах большого формата была перенята и позднейшими московскими печатниками, и сигнатуры в московских книгах большого формата появились лишь в 30-х годах XVII в. Манера не давать выходных сведений также объединяет изучаемые издания в одну группу.

В литературе было высказано предположение, не были ли эти издания делом неизвестной частной московской ти-

[1] Но в этом издании сигнатуры обозначают счет действительных листов, сложенных в 8°.

пографии. Против этого предположения говорит общий уклад московской жизни XVI в., отсутствие богатого предприимчивого слоя промышленников и в то же время интеллигентов, который был на Западе и мог там проявить инициативу при развитии книгопечатания. А при начале его даже и на Западе Гутенбергу пришлось обратиться к меценатам. Поэтому скорее надо думать, что и эта группа безвестных печатников пользовалась поддержкой правительства. Общность бумаги Апостола и поздних анонимных изданий также говорит за то, что обе типографии пользовались одним и тем же запасом.

В результате изучения анонимных изданий является представление, что у Ивана Федорова были не только предшественники в Москве, но и одновременно с ним работавшая типография, другая „изба" на Печатном дворе, по образцу „изб" XVII в. Невежи, Фофанова и Радишевского. И если Евангелие 4-го шрифта вышло позже Апостола, то оно вышло, следовательно, приблизительно одновременно с Часовником. Этому предположению соответствует и близость стиля в заставках Часовника и Евангелия 4-го шрифта: как будто в обеих типографиях одновременно либо проявились результаты одного и того же влияния, либо одна типография позаимствовала образцы из другой[1], а когда после отъезда Ивана Федорова из Москвы его типография совсем прекратила свою работу, то другая выпустила еще Псалтирь 4-го шрифта, которая, как уже было сказано выше, по своим качествам в отношении типографского искусства представляет собой более позднее издание, чем Евангелие 4-го шрифта[2].

---

[1] Ср. рис. №№ 9 и 11 и №№ 10 и 12.

[2] В литературе и ранее высказывалось мнение, что книгопечатание в Москве не прекратилось с отъездом Ивана Федорова. В статье „Иоанн Федоров" (Митр. Евгений, Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, изд. 2-е, Спб., 1827) говорится о Евангелии, напечатанном после Апостола. Это мнение разделяет Карамзин.

Типография Ивана Федорова в Москве

Первая книга с именем Ивана Федорова—Апостол 1564 г.; она печаталась в течение почти целого года, от 19 апреля 1563 г. до 1 марта 1564 г. Но кроме этих двух дат, в послесловии Апостола есть еще третья, указывающая, когда царь повелел строить типографию—было это в лето 7061 (т. е. 1553 г.), но в 30-е лето царствования Ивана Грозного: „тако повелением царя... Ивана Васильевича... и митр. Макария начаша изыскивати мастерство печатных книг в лето 61 осмыя тысящи, в 30-е лето государьства его. Благоверный же царь повеле устроити дом от своея царския казны..." В этом указании противоречие, так как 30-й год царствования Ивана Грозного соответствует не 7061, а 7071 году. В послесловии к львовскому Апостолу этого противоречия нет: „повелением... царя... Ивана Васильевича и благословением митр. Макария... друкарня сия составися в царствующем граде Москве в лето 7071-е: в тридесятое лето государства его". Если подходить

без предвзятого мнения, то ясно видно, что в послесловии московского Апостола была допущена ошибка при высчитывании года или опечатка, которую Иван Федоров сам исправил в послесловии к львовскому Апостолу. Говорят, что это невероятно, так как это была бы единственная опечатка у Ивана Федорова [1], а он намеренно поставил две несогласованные даты, так как хотел сделать неясным момент, когда начались работы по устройству типографии. Если даже допустить, что по каким-то соображениям московского правительства Ивану Федорову в 1564 г. не было возможности указать истинную дату основания типографии, то в 1574 г., находясь во Львове, вдали от Москвы, он мог не обинуясь сказать, что типография была основана в 1553 г., в 20-е лето царствования Грозного, заменив цифру 30 цифрой 20, а он сделал наоборот, исправил первую дату и тем показал, которую из дат он считал правильной. Утверждение, будто у Ивана Федорова не было опечаток, не соответствует действительности: Иван Федоров печатал очень хорошо и точно, но опечатки были и у него: и в пагинации—в Апостоле, где корректура сделана наклейкой, и в тексте, например, в острожской Библии; и, наконец, в выходных сведениях Нового Завета острожского издания 1580 г. дана тоже двойная дата—от сотворения мира и от начала нашей эры, и первая дана с ошибкой на 88 лет: „от создания миру 7000, от воплощения же Спасителя нашего Иисуса Христа 1580". Никому не придет в голову оспаривать, что здесь просто сделан пропуск двух цифр, и не стоит говорить о намеренной якобы путанице, произведенной Иваном Федоровым, чтобы внести неясность в известие о начале его типографии. Акад. А. С. Орлов, анализируя послесловие московского Апостола, подвергает сомнению авторство Ивана Федорова [2]; по его словам, послесловие это поражает читателя своей редкостной складностью, своим литературным стилем: „там все умеренно, все обладает наибольшим тактом—и цитация и само изложение... Едва ли Иван Федоров или Петр Мстиславец могли составить текст такого замечательного послесловия". Поэтому текст должен принадлежать или митрополиту Макарию или Сильвестру, вернее первому. Кроме

[1] Книга в России, т. I, М., 1924, стр. 70.

[2] Иван Федоров первопечатник, М.-Л. Акад. Наук СССР, Институт книги, документа, письма. 1935, стр. 18 и 289.

того, акад. А. С. Орлов отмечает сходство языка послесловия с посланием Максима Грека к Василию III; собственно сходны там три слова о „даре сходящем свыше". Как говорит и сам акад. А. С. Орлов, это сходство мало убедительно, так как слова эти встречаются в церковной службе, откуда их мог заимствовать и автор послесловия без посредства Максима Грека. Но даже и другое место послесловия 1564 г., указанное акад. А. С. Орловым, и фраза из сочинений Максима Грека, где употреблены одинаковые выражения о книгах, „растленных от преписующих", нисколько не лишает послесловие Ивана Федорова самостоятельного литературного значения; здесь можно говорить о литературном влиянии, а не об авторстве Максима Грека. Итак, в утверждении акад. А. С. Орлова остается только субъективное мнение, что Иван Федоров не мог написать хорошего литературного произведения; поэтому нельзя не согласиться с Берковым[1], который отмечает гораздо большее сходство московского послесловия с львовским, в принадлежности которого Ивану Федорову никак нельзя усомниться, а потому склонен считать Ивана Федорова автором обоих послесловий. Иногда высказывается мысль, что для устройства типографии Ивану Федорову нужно было несколько лет, а не несколько месяцев. Между тем, даже во время разрухи в 1613 г. Фофанов устроил свою типографию в Нижнем Новгороде в течение всего только 11 месяцев, с января по декабрь 1613 г.; Иван Федоров в более удобных условиях смог закончить типографию и в более короткий срок, в течение 7 месяцев, которые прошли с начала 7071 г. Свои дальнейшие типографии Иван Федоров устраивал также быстро и, рассказывая в предисловии к львовскому Апостолу о трудностях своей жизни, он везде говорил только о недостатке денег и трудностях их изыскания, а когда деньги бывали найдены, то типография возникала быстро.

В Апостоле шесть ненумерованных листов и 261 лист со счетом, цифры поставлены в нижнем правом углу, строк на странице 25. Набор имеет твердо выдержанные крайние линии, не только левую, но и правую, что показывает в Иване Федорове искусного, опытного наборщика; строки всегда

[1] Труды Института книги, документа, письма. Вып. V, Л., 1936, стр. 215.

безукоризненно прямы: печать в две краски сделана в два приема: строки разных цветов хорошо пригнаны друг относительно друга; киноварь и черная краска высокого достоинства; о бумаге говорилось уже выше. Книга украшена заставками, инициалами и гравюрой апостола Луки. Заставок в книге 46 с 20 досок, инициалов 22—с 5 досок. Кроме того, вырезана рамка, в которую вставлено изображение апостола Луки, и само изображение; всего 27 досок. Концовок в московском Апостоле нет, но при сличении имеющихся в Ленинской библиотеке пяти экземпляров оказалось, что в одном из них на л. 81 поставлена плетеная концовка, как в более поздних изданиях Ивана Федорова. Концовка такого рисунка встречается в львовском Апостоле на л. 133 об. (рис. 15). Почему она не повторена в других экземплярах, трудно сказать: может быть, она не понравилась в Москве, а может быть, наоборот, это один из поздних экземпляров, где Иван Федоров поставил новое украшение.

Рукописные образцы оказали влияние на внешность всех первопечатных книг; в анонимных изданиях и шрифты, и красные строки вязи, и некоторые черты орнамента явно заимствованы из рукописей; что касается Апостола, то шрифт его так точно воспроизводит полуустав ный почерк московских рукописей, что сомневаться в источниках его происхождения невозможно. Но вопрос о происхождении его орнамента гораздо труднее. Если орнамент анонимных изданий хотя бы отчасти можно сблизить с рукописным, то найти в рукописях образцы для орнамента Апостола очень трудно. И если такие образцы и могут быть найдены, то они так немногочисленны, и, видимо, сами недавно появились, что происхождение всего богатого и сложного орнамента Ивана Федорова нельзя приписать только этому влиянию.

Во всяком случае надо сказать несколько слов о тех рукописных украшениях, которые могли послужить образцами для орнамента первопечатных книг. Про некоторые украшения рукописей XV в. Буслаев говорит[1], что они „сперва нарисованы чернилами, а вместе с тем оттенены чернильными же штрихами по способу, принятому в гравюре; затем, где следовало, покрыты акварельной краской, более или менее тща-

[1] Буслаев, Ф. И., Сочинения, т. III, Л., 1930, стр. 64.

тельно, но всегда так, что сквозь нее пробивают сказанные штрихи". Еще более ясно видно сходство с гравюрой в тех украшениях, которые сделаны только белым и черным с небольшой добавкой золота и изредка еще какой-нибудь раскраски. В альбомах Стасова [1] и Бутовского [2] есть целый ряд подобных украшений, только без дат. Но и в датированных рукописях можно найти орнамент, близкий к гравированному. Например, в литературе отмечено Евангелие 1537 г. (Г. Ист. Музей Син. 62) [3]; также в Уставе в коллекции рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина (Лавр. 242) можно указать заставку на л. 94, сделанную очень похоже на гравюру, с расходящимися стеблями, с шишками внутри завитков; рукопись не датирована, но составители Лаврского каталога отнесли ее ко времени до 1547 г., так как в ней не упоминаются святые, канонизованные на соборе 1547 г. Эти элементы орнамента, шишки, стилизованные виноградные гроздья, цветы, элементы „готической" листвы, по выражению Буслаева, могли перейти одинаково и в русскую рукопись и в русскую книгу; взять образцы его можно было и из орнамента, сделанного от руки в инкунабулах, например, из узора на полях гутенберговой Библии, и из скульптурных рельефов [4]. Действительно, в западно-европейском искусстве позднего средневековья часто встречаются украшения такого рода [5].

Но что было перед глазами резчика досок московского Апостола — была ли перерисовка западных образцов в русских рукописях или самые иностранные оригиналы, рисованные или печатные, — трудно сказать. Весьма вероятно, что были образцы всякого рода. В „Книге в России" [6] было указано на связь гравюры апостола Луки и рамки вокруг нее с немецкой гравюрой Эрхарда Шена. Вопрос о немецком влиянии вызвал оживленные обсуждения среди книговедов, и покойным Н. Ф. Гарелиным были указаны в издании „Das alte Buch und seine Ausstattung" (Die Quelle, Mappe XIII, на лл. 22 и 39) гравирован-

[1] Стасов, В. В., Славянский и восточный орнамент. Спб. 1884—1887.

[2] Бутовский, История русского орнамента с X по XVI в. по древним рукописям. М. 1870.

[3] Иван Федоров первопечатник, М.-Л. Академия наук СССР. Институт книги, документа, письма, 1935, стр. 78.

[4] Буслаев, Ф. И., Сочинения, т. III, Л. 1930, стр. 64 и 199.

[5] Racinet, L'ornement polychrome, Paris, Planches XLIX, L.

[6] Книга в России, т. I, М. 1924, стр. 88.

ные немецкие буквы XV в., в которых, несомненно, есть элементы узора федоровских заставок: шишки, круглые плоды с чешуйками, ягоды, перевитые конусы, причем узор выделяется белым по черному фону. Альбом этот однако не указывал, из каких именно изданий взяты эти буквы. Н. П. Киселевым были произведены нужные изыскания; результаты получились очень интересные. Оказалось, что эти инициалы вообще очень редко встречаются в изданиях XV в., не характерны для них. Исследователи инкунабулов—Хеблер, Шрейбер, встречая их, отмечают их особо красивый рисунок. Хеблер характеризует их так: „У них нет определенного обрамления, красивый растительный узор их в таком же красивом окружении; высота 48 *мм.*" Впервые инициалы этого рода появляются в конце 80-х—начале 90-х годов XV столетия в Нюрнберге в типографиях Петера Вагнера и Конрада Ценингера. На прилагаемом снимке изображены три инициала[1] нюрнбергского издания „Versehung von Leib, Seele, Ehre und Gut" 1489 г.[2] без обозначения печатника. В 1909 г. Конрад Хеблер (Gesellsch. f. Typenkunde, Taf. 236) отнес этот популярный медицинский трактат к произведениям типографии Ценингера, в 1935 г. Альберт Шрамм[3] приписывает его преемнику Ценингера, Петеру Вагнеру (рис. 16, 17, 18). Из Нюрнберга рисунок этих инициалов был перевезен на восток, в Лейпциг и Магдебург, и далеко на запад, на Пиринейский полуостров: в Лейпциге сходные инициалы появляются у Мартина Ландсберга, а потом Мориц Брандис, переехавший из Лейпцига в Магдебург, перевез с собой и эти инициалы и употребил их в своем магдебургском издании „История о семи мудрецах" (Copinger 3005). На Пиринейский полуостров инициалы эти были занесены базельским выходцем Фридрихом Билем; он сам употреблял их для своих изданий в Бургосе, а Валентин Фернандес—для лиссабонских. Все указанные издания — нюрнбергские,

---

[1] Снимки сделаны с таблицы 22 из альбома „Das alte Buch und seine Ausstattung vom XV bis zum XIX Jh". 3. Aufl. Wien-Leipzig, 1926 (Die Quelle, Mappe XIII) и табл. 236 из Veröffentlichungen der Gesellschaft für Typenkunde, Halle.

[2] Hain-Copinger, 16019 Sudhoff K. Deutche medizinische Inkunabeln. Lpz. 1908, S. 209—210.

[3] Schramm, A. Der Bilderschmuck der Frühdrucke, B. XVIII, Lpz, 1935, S. 7.

Рис. 15

Концовка из Апостола 1564 г.

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Инициалы из книги: Versehung von Leib, Seele, Ehre und Gut. Nürnberg 1489.

лейпцигские, магдебургские, бургосские и лиссабонские — настолько редки, что в Библиотеке им. Ленина из них нет ни одного. Если Иван Федоров видел одно из этих изданий и с него заимствовал рисунок своего орнамента, то, скорее, это было какое-нибудь немецкое издание, лейпцигское или магдебургское, чем испанское. Отсюда он мог взять элементы своих заставок: шишки, перевитые конусы и пр., а главное черный фон. Сразу видно, однако, что его заимствование не было рабским подражанием чужим образцам; заимствованные элементы трактовались им совершенно самостоятельно, так как они употреблены им для заставок, а инициалы сделаны совершенно иначе. Вполне возможно, что указанные выше образцы немецких гравированных инициалов оказали влияние не непосредственно на Ивана Федорова, а раньше побывали у художников, рисовавших орнамент для рукописей, и Иван Федоров и печатники анонимных изданий уже и в рукописях видели рисунки на черном фоне, напоминающие гравюру, с перевитыми гирляндами и с указанными шишками, ягодами и конусами.

О внешних очертаниях заставок Ивана Федорова уже было сказано выше. Из всех 20 заставок Апостола только три отступают от преобладающей формы: две совсем не имеют прямоугольной рамки, а третья сделана покоем, т. е. у прямоугольной полосы с боков книзу идут еще две короткие полосы. Форма заставок Ивана Федорова свойственна русским рукописям, но, взяв прежнюю русскую форму, он вставил в нее немецкий узор, может быть, как уже указано, не впервые, а по примеру рукописей. Рельефность рисунка, которая характерна для орнамента Апостола, не встречается ни у каких его предшественников, ни в рукописях, ни в анонимных изданиях.

Каково было распределение работы между Иваном Федоровым и его сотрудником Петром Тимофеевым, сказать, конечно, трудно. Был ли один из них только специалистом резчиком по дереву и металлу, а другой только печатником, или они делали все работы совместно — неизвестно. Из последующей их биографии видно только, что иногда они работали вместе, иногда врозь, и у них появлялись новые шрифты и орнамент. Конечно, может быть, работая врозь, они находили себе сотрудников для облегчения работы в той части,

в которой они чувствовали себя более слабыми. Но ясно видно, что где бы и с кем бы ни работал Иван Федоров, все его издания отличаются общими чертами: они безукоризненно набраны и оттиснуты, в них высокого достоинства орнамент, четкий, красивый шрифт, малое количество опечаток—очевидно, высокие требования к качеству изданий исходили от самого Ивана Федорова, и он умел их так или иначе осуществлять. То обстоятельство, что рамка от изображения апостола Луки ездила с ним из города в город и, постепенно изменяясь и изнашиваясь, была им применена почти во всех его изданиях большого формата, заставило некоторых исследователей предположить, что он был настолько неумелым гравером и отличался такой беспомощностью в этом отношении, что не умел сделать новой рамки, хотя и нуждался в ней. Но обилие орнамента, совершенно нового не только по рисунку, но и по стилю, употребленного им во всех городах, где он печатал, свидетельствует о противном. Об изображении апостола Луки можно предположительно высказаться, что скорее оно было работы не Ивана Федорова, а Петра Тимофеева, но об этом будет сказано ниже.

Вторым московским изданием был Часовник. Первое его издание, единственный экземпляр которого находится в Брюсселе, было начато 7 августа, а кончено 29 сентября 1565 г. Второе, единственный экземпляр которого находится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, начато было 2 сентября и окончено 29 октября 1565 г. В настоящей работе описано это второе издание. Состав книги—22 тетради от 1-й до 21-й по 8 лл. и 22-я—4 лл., всего 172 лл., лист сложен вчетверо, пагинации нет, тетради имеют сигнатуры. Знаки бумаги приблизительно те же, что в Апостоле (рука или перчатка с короной, большая перчатка с звездой вверху с буквой *В* на ладони, сфера со звездой, кувшинчик). Шрифт тот же, что в Апостоле, на странице—13 строк. Орнамент не вполне может быть восстановлен, так как л. 1 с заставкой заменен рукописным факсимиле; налицо семь заставок с шести досок; из них три необычной для Москвы формы, не только не прямоугольные, но даже не имеющие прямой линии в основании, представляющие собой плетеные украшения, употреблявшиеся в немецких книгах в виде концовок; впоследствии Иван Федоров и сам употреблял их именно таким образом

во всех не московских своих изданиях. Прочие три заставки Часовника сделаны по западно-европейскому образцу, черным по белому, и сходны по узору с заставками Евангелия 4-го шрифта, как было сказано раньше.

Редкость обоих изданий Часовника 1565 г. привела многих исследователей к мысли, что их или было напечатано очень мало, или их постигла какая-то катастрофа, что, например, они сгорели еще в типографии. В существовании двух изданий иногда видят указание на то, что с Часовником спешили, не кончив одного издания, начали другое, что, следовательно, в типографии что-то было неблагополучно[1]. Но в XVII в. постоянно бывали случаи, когда Часовник издавался не два, а даже три раза в год[2], или ежегодно (в 1631, 1632, 1633), и это указывает только, что в этом издании была большая нужда; едва дошли до средины работы, как убедились, что тираж надо увеличить вдвое, и начали новое издание. Что же касается редкости Часовника 1565 г., то и в этом нет ничего удивительного. Часовники вообще такая редкость, что они постоянно отсутствуют в самых больших собраниях, или, наоборот, до сих пор не зарегистрированы ни в одной библиографии Часовники, имеющиеся налицо в библиотеках (как уже сказано относительно третьего издания Часовника 1631 г.). Объясняется исчезновение Часовников прежде всего их форматом, их постоянным употреблением в церкви, а главное, конечно, их ролью учебника. Еще недавно были живы люди, которые, научившись азбуке, начинали учиться читать по Часовнпку, а потом переходили на Псалтирь. Немудрено, что книжка небольшого формата, недорогая, бывшая в употреблении у учеников, исчезла почти бесследно. Почти также редки Часовники 1598 и 1601 гг. издания Андроника Невежи. Можно догадываться, что в XVI в. Часовники Ивана Федорова не были редкостью: так, в библиотеке Строгановых[3] в 1578 г. находилось 48 печатных Часовников; в списке они названы только печатными, но так как к этому году были напечатаны

[1] Книга в России, т. I, М. 1924, стр. 83.

[2] Например, в 1631 г. было три издания Часовника: 1) 2. VI. 1630—23. II. 1631 (Унд. 347, Кар. 373); 2) 1. II. 1631—1. IV. 1631 (Унд. 348. Кар. 374); 3) 8. VI. 1631—13. VIII. 1631 (в библиографии неизвестен; имеется в Библиотеке им. Ленина).

[3] Богданова, Н. Г. Книжные богатства Строгановых в 1578 г. В сборнике Sertum bibliologicum. В честь А. И. Малеина, Пб. 1922, стр. 277—284.

только Часовники Ивана Федорова, то, очевидно, они и подразумеваются в списках: двоим наследникам досталось на два жеребья 32 экземпляра, а третьему на один жеребий—16. Автор заметки о книжных богатствах Строгановых Н. Г. Богданова высказывает предположение, что такое большое количество однородных книг было запасено для вкладов в церкви и монастыри. Очевидно, через 13 лет после выхода Часовники Ивана Федорова существовали в достаточном количестве.

После издания Часовников Ивану Федорову и Петру Мстиславцу не пришлось остаться в Москве. Они должны были покинуть ее и вскоре оказались за границей, у польского короля Сигизмунда, а потом у литовского гетмана Ходкевича. Был ли это отъезд или бегство, и если это было бегство, то от кого: от правительства, или от разъяренной толпы, или еще от каких-то врагов,—вопрос об этом событии совершенно темен. На основании слов самого Ивана Федорова в послесловии к львовскому Апостолу видно только, что в Москве была какая-то партия лиц, враждебно настроенных по отношению к Ивану Федорову: „ради презелного озлобления, часто случающегося нам не от самого того государя, но от многих начальник и священноначальник и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое в зло превратити и божие дело в конец погубити, якоже обычай есть злонравных и ненаученных и неискусных в разуме человек... зависть и ненависть нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели". Эти слова не объясняют ни обстоятельств отъезда печатников из Москвы, ни причин гонений на них. Было ли это гонение на книгопечатание вообще или только на определенный круг лиц, среди которых находился Иван Федоров, так и остается неизвестным. Также непонятно и поведение Ивана Грозного в этом деле. Что Иван Федоров ни в чем не обвиняет царя, не удивительно: русский человек XVI в. мог нарочно оговаривать приближенных царя, чтобы выгородить его самого. О судьбе самой типографии не сказано ни слова; совершенно неясно, погибла ли она, или осталась на месте, и мог ли он взять с собой что-нибудь легально, с разрешения правительства. Версия о пожаре, взятая из книги Флетчера, написанной около 1590 г.[1] в

[1] Fletcher, Of the russe commonwealth, London 1591.

сущности никакими другими известиями не подтверждается, да и сама крайне неопределенна: он говорит о какой-то типографии, в которую привезли из Польши не только станок, но и литеры.

Fletcher, Of the russe commonwealth, London, 1591, p. 85.

As themselves are voyde of all maner of learning, so are they warie to keepe out all meanes that might bring any in: as fearing to have their ignorance, and ungodlinesse discovered. To that purpose they have perswaded the Emperours, that it would breed innovation, and so danger to their state, to have anie noveltie of learning come within the Realme. Wherein they say but trueth, for that a man of spirit and understanding, helped by learning and liberal education, can hardly indure a tyrannical government. Some yeres past in the other Emperors time, there came a Press and Letters out of Polonia, to the citie of Mosko, where a printing house was set up, with great liking aud allowance of the Emperour himselfe. But not long after, the house was set on fire in the night time, and the press and letters quite burnt up, as was thought by the procurement of the Cleargy men.

Флетчер. О государстве русском, М. 1848, стр. 75.

Будучи сами невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие.

По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти. В этом случае они правы, потому что человеку разумному и мыслящему, еще более возвышенному познаниями и свободным воспитанием, в высшей степени трудно переносить принудительный образ правления. Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок, и здесь была основана типография с позволения самого царя. Но вскоре дом ночью подожгли и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство.

Сам Иван Федоров о пожаре не говорит ни слова, хотя, по всему вероятию, он должен бы был рассказать о таком бедствии, и нельзя себе представить, почему бы ему надо было это замалчивать. Также не говорит о пожаре и „Сказание". Флетчер мог слышать о пожаре любой московской типографии, прекратившей свое существование до 1590 г., а таких, кроме федоровской, было две: анонимная и типография Невежи 1568 г., и пожар мог быть в любой. Изучение дальнейших произведений печати—московских—после отъезда Ивана Федорова и его собственных—за пределами московского государства—во всяком случае показывает, что отъезд его вовсе не был бегством, к которому ему пришлось прибегнуть ввиду нападения разъяренной толпы, покушавшейся на его жизнь и

уничтожившей дотла его типографию. Уезжал он, видимо, при совершенно другой обстановке. И в заблудовском Евангелии и в львовском Апостоле употреблен тот же московский шрифт, так что, по всему вероятию, печатники увезли с собой хотя бы его матрицы, как вещь не тяжелую; увозить многопудовый громоздкий московский шрифт можно было только с разрешения правительства; а с какой бы стати оно согласилось на увоз шрифта, сделанного на его деньги? Самый шрифт, наверно, остался в Москве, и им была напечатана Псалтирь в типографии Андроника Невежи в 1568 г. Многие доски Иван Федоров также захватил с собой. Вне Москвы появились следующие доски из московскнх изданий: в заблудовском Евангелии отпечатки с досок, которые были в Апостоле на лл. 1 и 82, с доски инициала *Е* и плетеных заставок Часовника (лл. 127 и 160). В львовском Апостоле появились старые доски заставок из московского Апостола с листов 1, 3, 55, 63, 70, 83, 91, 113, 133, 197, инициала *I*[1] и рамки вокруг изображення апостола. Доски, на которых были вырезаны мелкие инициалы (ломбарды) и строки вязи, Иваном Федоровым не были взяты с собой.

Хотя кое-что Иван Федоров с Петром Мстиславцем и успели захватить с собой из Москвы, но отъезд их, по словам послесловия львовского Апостола, носил характер изгнания: „сія оубо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели". А следовательно, и царь, очевидно, был за что-то против Ивана Федорова, только неизвестно, какого рода вину вменили ему. Так неясно оканчивается московский период жизни Ивана Федорова.

Надо отметить, что в исторической литературе описание отъезда Ивана Федорова из Москвы в виде бегства и версия о пожаре типографии сложились не сразу. У Карамзина[2] так говорится о противниках Ивана Федорова, принудивших его уехать: „Сие важное предприятие (устройство типографии)... возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и

[1] Тождество этих досок установлено не сходством рисунка, а буквальным совпадением всех штрихов, а лучше всего одинаковыми трещинами; например, разрывом нижней линии в инициале *I*, боковой линии в заставке с л. 91 (рис. 23).

[2] Карамзин, Н. М., История государства российского, т. IX, Спб. 1843, гл. I, стлб. 28.

суеверы, изумленные новостию. Начались толки, и художник Иван Федоров, смертию Макария (ум. 31. XII 1563) лишенный усердного покровителя, как мнимый еретик, должен был вместе с своим товарищем Петром Мстиславцем удалиться от гонителей в Литву..." Это почти точный пересказ львовского послесловия, прибавлено только замечание о переписчиках. В примечании 91 к т. IX, гл. 1 „Истории государства российского" передается известие Поссевина о переводе московской типографии в Александровскую слободу, где она и находилась в 1582 г. „Флетчер пишет, что печатный станок и буквы были привезены в Москву из Польши, что типография московская сгорела ночью, зажженная, как думали, суеверами". Ясно видно, что Карамзин, цитируя эти слова, совсем не разумел пожара типографии Ивана Федорова.

Соловьев, не приводя никаких новых данных, говорит уже о бегстве печатников и о том, что „есть известие, что типографский дом сожжен неблагонамеренными людьми"[1]. Но что это за известие—он не указывает. После него рассказ о бегстве Ивана Федорова и пожаре его типографии стал повторяться, хотя документальных подтверждений так и не получил.

Почему Соловьев согласился с предположением о пожаре типографии, остается непонятным. О бегстве печатников он сказал, вероятно, принимая во внимание условия московской жизни XVI в.: печатники, возбудившие недовольство сильных людей, иначе, как бегством, не могли спастись за границу. Действительно, московское правительство никогда не изгоняло опальных из пределов государства, а расправлялось с ними иначе; тем более оно не стало бы изгонять искусных мастеров, нужных для государства, и отсылать их в чужие страны, где враги могли использовать их для своих нужд.

Но если печатники и принуждены были бежать, то, видимо, у них было время обдумать бегство и собраться, так как они бежали не с пустыми руками[2].

---

[1] Соловьев, С. М., История России с древнейших времен, изд. 3-е, М. 1870, т. VII, стр 229.

[2] М. Н. Тихомиров (Начало московского книгопечатания. Ученые Записки М. Г. У. Вып. 41, 1940, стр. 94) высказывает даже такую неожиданную мысль, что печатники уехали с согласия Ивана Грозного, так как их деятельность в Литве нужна была московскому правительству для усиления там русского влияния. Надо сознаться, что во львовском послесловии нет ни малейшего намека на то, чтобы Иван Федоров таким образом расценивал свой отъезд.

Захваченный из Москвы типографский материал обнаружился в заблудовских изданиях Ивана Федорова—московский шрифт, некоторые гравированные украшения. Подробное описание заблудовских изданий выходит за пределы настоящей темы: это издания белорусские, а не московские и не украинские, а изучение их внешности не дало пока особо интересных выводов.

ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА В ЛЬВОВЕ

Через Заблудов Иван Федоров попал во Львов и Острог и положил там начало украинскому книгопечатанию. Однако в литературе высказывалось мнение, что и раньше его приезда во Львов там существовало книгопечатание. Бандтке[1] высказывал надежду, что когда-нибудь найдутся произведения славяно-русской печати много старше Апостола Ивана Федорова 1574 г., так как, судя по надписи на его надгробной плите, он только возобновил книгопечатание, пришедшее в упадок: „друкованіе занедбалое обновил". Огиенко[2] относит эти слова не к одному львовскому книгопечатанию, а ко всему юго-западному русскому, которое возникало и в Кракове, и в Вильне, и в Несвиже, но нигде прочно не укоренилось. Сам Огиенко сомневается, чтобы в Львове раньше Ивана

[1] Bandtke. Historia drrukarn w krolewstwie Polskiem i wielkiem xięstwe Litewskiem, т. I. Krakow, 1826, стр. 383.

[2] Огіенко Ів. Історія українського друкарства, т. I, Львів, 1925, стр. 76.

Федорова не появились западные печатники, так как Львов имел тесные связи с западом; кроме того, своего ученика Гриня Ивановича Иван Федоров отдал к мастеру Лаврину Пилиповичу для обучения на 2 года[1]. „Значит,—говорит Огиенко,—еще до Ивана Федорова здесь был друкарь“[2], но он забывает, что по его же собственным словам Гринь был отдан в ученье не раньше конца 1570-х гг.[3].

Зубрицкий[4] утверждает, что в Львове до Ивана Федорова должна была возникнуть русская типография: ведь были же типографии в Кракове, в Вильне, возникшие много раньше, так почему же не быть русской типографии и в Львове; в львовском и перемышльском диоцезах, по его словам, было до 4000 православных церквей; кроме надгробной надписи, о которой уже упоминалось, он старается использовать для доказательства своей мысли одно место из послесловия к львовскому Апостолу 1574 г. Иван Федоров говорит о своем приезде во Львов, о трудах и лишениях, которые он претерпел во время пути, „и когда вселшумися в преименитом граде ЛвовѢ, яко по стопам ходяще топтаным нѢкоего богоизбранна мужа начах глаголати в себѢ молитву сію“. Дальше следует самая молитва, видимо, составленная самим Иваном Федоровым.

Место это неясное: хотел ли Иван Федоров сказать, что он приехал во Львов по чьим-то стопам, или что он начал молиться по примеру какого-то мужа? Если бы после слова „мужа“ был какой-нибудь знак препинания, то надо было бы толковать эту фразу так, что здесь говорится о приезде; при отсутствии знака препинания можно предполагать, что о молитве, или же что знак препинания пропущен. Зубрицкий видит в этой фразе указание на печатника, предшественника Ивана Федорова, ранее его прибывшего во Львов; его-то и называет Иван Федоров богоизбранным мужем.

---

[1] Там же, стр. 36.

[2] Там же, стр. 74-75: отже, як бачимо, у Львові був друкар ще до Хведоровича.

[3] Там же, стр. 46-47.

[4] Zubrzycki Historyczne badania o drukarniach rusko-slowianskich w Galicyi, Lwow, 1806, стр. 12.

Применить такое название к рядовому печатнику было бы со стороны Ивана Федорова довольно странно[1]. Такое название он мог бы применить разве к какому-нибудь высокопоставленному лицу, светскому или, скорее, духовному, если толковать, что он приехал вслед за этим лицом, или к автору молитв, которому он подражал, составляя свою молитву, например, Василию Великому или другому духовному писателю, если принять второе толкование.

Анализ обоих упомянутых памятников—надписи и послесловия—показывает, что бесспорных выводов на основании их сделать нельзя.

Наиболее веским аргументом против существования типографии во Львове раньше Ивана Федорова служит то, что при основании типографии ему пришлось столкнуться с неосведомленностью львовской цеховой организации в вопросе о разрешении мастеру-печатнику иметь в своей типографии печатника или столяра, помимо плотничного или столярного цеха. Для разрешения этого недоумения из Львова обращались в Краков; на основании прецедента, бывшего в Кракове, Ивану Федорову было разрешено взять этого мастера на одну определенную работу; если бы уже раньше какая-нибудь типография существовала во Львове, то незачем было бы ездить в Краков: конфликт был бы разрешен согласно уже известной местной практике, да и самый конфликт не мог бы возникнуть[2]. Львовский Апостол во многих отношениях представляет собою копию московского. В нем то же расположение набора, тот же счет листов текста. Собственно текста в нем так же, как и в московском Апостоле, 259 лл., но ввиду более длинного послесловия с лирическими отступлениями, листов 2-го счета 264, а не 261, как в московском; листов 1-го счета также больше: вместо 6 ненумерованных в нем 15, так как в нем лишние главы; 1-й пустой лист имеет на обороте герб Ходкевича, а на обороте последнего, 264-го листа 2-го счета—типографская

[1] Правда, Франциск Скорина сам себя называет несколько раз хотя не богоизбранным, но избранным мужем.

[2] Романовский, В. Друкар Иван Федорович, його життя та діяльність. — Труды Українського наукового інституту книгознавства, т. I. Українська книга XVI—XVIII ст. Киев, 1926, стр. 22, со ссылкой на Пташицкого: Jwan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z konca XVI wieku. В „Rozprawy i sprawozdania z posiedzen wydziału filologicznego Akademii Umiejętnosci". Krakow. 1886, стр. 21-43.

марка Ивана Федорова; с левой стороны в нее вставлен герб города Львова, а с правой—знак самого Ивана Федорова. Между 1-м и 3-м лл. текста—гравированное изображение апостола Луки в рамке. Однако в ней произошли изменения: она треснула в верхней половине, а кроме того, спилены внутренние выступы, за которые зацеплялась внутренняя доска с изображением апостола Луки, а самое изображение вставлено новое; на этой новой внутренней доске намеренно продолжен рисунок наружной рамки, чтобы их объединить, но объединение это сделано не особенно искусно. На изображении апостола Луки, а также на гербе города Львова видны инициалы гравера WS; на первой гравюре над монограммой изображен нож. Расшифровка имени этого гравера до сих пор еще не сделана, но в словаре Наглера[1] сказано о гравере с ножом над WS, что иногда эти буквы бывают заключены в прямоугольник, иногда бывают переплетены между собою; имени гравера не знает и Наглер, но определяет его следующим образом: неизвестный гравер, который работал в средине XVI в. в Кракове; ему принадлежат небольшие гравюры в Библии 1575 г., изданной Николаем Шарфенбергом в Кракове; он же гравировал виньетку с гербом короля Сигизмунда Августа. Очевидно, он был специалист по тем гравюрам, которые заказал ему Иван Федоров[2]. Герб Ходкевича не имеет знаков этого неизвестного гравера, потому что это доска из заблудовской Псалтири с часословцем (рис. 19)[3]. Должно быть ее резал сам Иван Федоров и вставил ее в рамку московского Апостола. Интересно отметить, что для этой Псалтири вырезано около 30 досок: 20 инициалов, 4 заставки, 2 мелких украшения, добавляемых иногда к заставкам, герб Ходкевича, гравюра, изображающая царя Давида, и 4 украшения, помещаемых над каждой страницей, два—для левой, и два—для правой.

[1] Nagler, Die Monogrammisten, т. V, München, 1879, стр. 381, № 1901.

[2] Что означают инициалы под скамейкой, на которой сидит апостол Лука, до сих пор не выяснено.

[3] Поэтому нет ни малейшего сомнения в том, что этот герб не резан гравером WS, и П. Н. Беркову напрасно кажется (Труды Института книги, документа, письма, вып. V, Л., 1936, стр. 115), что эта гравюра очень схожа по манере с другими работами того же мастера. Странным образом П. Н. Берков (там же, прим. на стр. 111) утверждает, что в ленинградских книгохранилищах нет заблудовской Псалтири, а между тем единственный известный экземпляр ее находится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Рис. 19

Герб Г. А. Ходкевича из заблудовской Псалтири с часословцем 1570 г.

Псалтирь издана одним Иваном Федоровым, когда Петр Тимофеев уже уехал в Вильну, так что нет оснований сомневаться в способностях Ивана Федорова, как гравера, и думать, что он не сумел бы при желании заново перерезать рамку из Апостола. Также и вновь вырезанные для львовского Апостола доски заставок свидетельствуют о высоком искусстве мастера; так как все эти доски объединены именем одного печатника, то естественно приписать их Ивану Федорову. Так можно думать относительно орнамента в узком смысле; гравюра же с изображением человека, может быть, и на самом деле затрудняла Ивана Федорова, раз он не стал сам резать изображения апостола Луки, а заказал его какому-то краковскому граверу.

Но некоторые исследователи считают, что Иван Федоров не мог быть гравером: потому-то он и отдал своего ученика Гриня Ивановича в учение другому мастеру, что он считал себя несостоятельным в каком-то отношении. К сожалению, неизвестно, чему Гринь должен был научиться у Пилиповича. Известно только, что, когда он по окончании ученья приехал в 1579-80 гг. в Острог, он уже был вполне образован: он „za kosztem i nakładem i pilnem staraniem" Ивана Федорова, научился „malarstwa, stolarstwa, forsznayderstwa i na stali liter i inszych rzeczy rzesania tysz i drukarstwa"[1]. Из этих слов не видно, чему именно научился он у Пилиповича; можно даже понять, что у него же он научился и печатанию, но ведь нельзя из этого заключить, что и печатать Иван Федоров умел плохо. Скорее надо вывести из этих слов, что Иван Федоров считал знание всех перечисленных искусств и ремесел обязательным для хорошего печатника; таким, конечно, был и он сам. Обучать Гриня он, может быть, не взялся потому, что отдал его в ученье в конце 1570-х годов, когда он был постоянно в разъездах между Львом, Острогом, Дерманью, когда он, по некоторым сведениям, ездил даже на Балканский полуостров, т. е. занимался организацией острожской типографии, и обучение помощника было для него мелким делом, которое он не мог тщательно выполнить.

А между тем в Апостоле 1576 г., так называемом „с привилеей", изданном без обозначения места издания, и в вилен-

[1] Огієнко, І. в., Історія українського друкарства, т. І, Львів, 1925, стр. 47.

ском 1591 г. выгравирована очень хорошая копия московской гравюры. Оттиск сделан, конечно, с новой доски, но сходство со старой доской полное. Издание 1576 г.[1] в библиографии относится большею частью к виленским, и действительно, оно сильно напоминает позднейшее виленское издание 1591 г. А в 70-х годах в Вильне жил Петр Тимофеев, так что легко можно себе представить, что он был автором московского изображения апостола Луки и при представившемся ему случае перегравировал его с большой точностью. Но, конечно, случай перегравировки и подражания ничего не доказывает. В той же Вильне в 1586 г., например, была перепечатана заблудовская Псалтирь, и весь орнамент и изображение царя Давида повторены самым тщательным образом. А изображение царя Давида и весь орнамент, если судить формально, принадлежали несомненно самому Ивану Федорову.

Кроме московского шрифта, в львовском Апостоле есть как бы зародыш будущего острожского шрифта. На лл. 1-го счета 5, 6, 7, на верхних и боковых полях, есть примечания, иногда несколько слов мелким, как бы курсивным шрифтом, по размеру и рисунку напоминающим будущий острожский шрифт. Но шрифт этот возбуждает сомнение: не были ли эти надписи награвированы, а не набраны. Отсутствие однообразия в буквах, положение этих строк несколько наклонное относительно главных, указывает, что шрифт еще не был отлит, а создавался только его рисунок; сравнение этих надписей в нескольких экземплярах, имеющихся в Библиотеке им. Ленина, убеждает во всяком случае окончательно в том, что эти надписи печатаны не на станке вместе с текстом, а отдельно, штампом от руки, так как они отстоят от текста в разных экземплярах на разные промежутки.

Изданием Апостола 1574 г. Иван Федоров положил начало книгопечатанию на Украине. Ему пришлось работать здесь в совершенно неизвестных и непривычных для него условиях. В Москве и Заблудове у него были могущественные покровители, обеспечивавшие ему денежную сторону его работы, а здесь он оказался в среде цеховых отношений, ему пришлось вести тяжбы по вопросам организации работы в

[1] В библиографии нигде не обосновано датирование этого издания 1576 года. Издание это должно быть подвергнуто самому тщательному изучению.

цеховом обществе; от зажиточных горожан, несмотря на усиленные просьбы, Иван Федоров помощи не добился: „обтицах многащи богатых и благородных в мире, помощи прося от них, и метание сътворяя коленом касаяся, и припадая на лицы земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах и сие не единою нѣ дващи, но и многащи сътворях". Помощь ему пришла от общественной организации—львовского православного братства, организации небогатой: „Но мали нецыи в иерейском чину, инии же неславнии в мире обретошася, помощь подающе, не мню бо от избытка им сия творити, но яко убогая вдовица..." Искренняя благодарность, которая звучит в послесловии по адресу гетмана Ходкевича, показывает, что он, вероятно, позволил Ивану Федорову увезти с собой заблудовскую типографию, и только благодаря этому работа во Львове и могла возобновиться, несмотря на скудость средств. Именно этим, наверное, и объясняется то сходство львовского и московского Апостолов, которое не было результатом бессилия Ивана Федорова создать что-либо новое, а произошло вследствие необходимости использовать возможно больше старые материалы.

Типография Ивана Федорова в Остроге

Видимо, условия работы во Львове были трудны, и, получив приглашение от Константина Острожского, Иван Федоров воспользовался им. В Остроге им было выпущено три издания (если считать, что Библия была издана один раз). Для них было отлито несколько новых шрифтов и вырезано много новых украшений иного характера, чем московские. Первым острожским изданием был Новый Завет с Псалтирью—„первый овощь от дому печатного своего острозского". Это издание в 8°; к нему приложен алфавитный указатель к Новому Завету, произведение Тимофея Михайловича. Состав книги 4 нн. лл., 490 лл., 1 тит. л., 52 лл., с сигнатурами тетрадей. Обе половины этого издания имеют титульные листы, на обороте которых герб князя Острожского. На первом из титульных листов гравированная рамка; внутри нее заглавие, напечатанное московским шрифтом. Новых шрифтов употреблено два; более крупным напечатано только несколько строк на оборотах обоих титульных листов, послесловие с выходными све-

дениями и верхние строки заглавия на втором титульном листе. Это тот шрифт, которым напечатана Библия. Текст Нового Завета напечатан тем более мелким шрифтом, которым в Библии напечатаны примечания. Полные выходные сведения помещены на л. 490 первой книжки, а на обороте его издательская марка печатника.

Чтобы не возвращаться более к мелким работам Ивана Федорова, надо описать „Хронологию" Андрея Рымши. Это маленькое издание, всего на двух страницах, на украинском языке, представляющее собой как бы календарь — перечислены все 12 месяцев с указанием их славянского, еврейского и украинского названий, а также событий, приурочиваемых автором к определенным месяцам, по одному на каждый. В нем употреблены два шрифта: московский и более крупный из двух острожских. Вышло оно 5. V. 1581. Имени Ивана Федорова на нем нет, но так как дата его выхода раньше выхода Библии 12. VIII. 1581, то его надо причислить к изданиям Ивана Федорова.

Состав острожской Библии 8 нн. лл., 276, 180, 30, 56, 78; всего 628, без счета тетрадей. Для напечатания Библии Иваном Федоровым были отлиты, кроме уже упомянутых, два греческих шрифта и крупный шрифт московского рисунка, похожий на шрифт виленского Евангелия 1575 г.; после смерти Ивана Федорова он существовал еще в Остроге, и им была напечатана книга Василия Великого „О постничестве" 1594 г.

Греческий перевод первого предисловия напечатан более крупным греческим шрифтом, а мелкий греческий употреблен только на листе с выходными сведениями 12. VIII. 1581.

Весь текст напечатан крупным острожским шрифтом; заглавие на титульном листе—московским. Этот шрифт или был отлит вновь, или скорее, как будет видно из дальнейшего изложения, был привезен из Львова, хотя львовская типография больше не принадлежала Ивану Федорову, на нее был наложен арест за долги его кредитором Якубовичем. Московским шрифтом напечатано заглавие на титульном листе; вокруг него та же гравированная рамка из московского Апостола, о которой сказано выше; в позднейших острожских изданиях московский шрифт продолжает появляться долго спустя после смерти Ивана Федорова, например, в Маргарите 1596 г., в Апокрисисе 1598 г.

Таблица шрифтов Ивана Федорова

№	Перечень шрифтов	Высота 10 строк
1	Московский кирилловский, употреблявшийся во всех изданиях Ивана Федорова	85 *мм*
2	Острожский кирилловский, употреблявшийся во всех острожских изданиях	51 *мм*
3	Острожский греческий, употреблявшийся в Библии	51 *мм*
4	Острожский кирилловский, употреблявшийся в Библии и Новом Завете	40 *мм*
5	Острожский греческий, употребленный в Библии на выходном листе с датой 1581 г. . . .	40 *мм*
6	Острожский кирилловский московского рисунка, употребленный в Библии	135 *мм*

Орнамент Библии и Псалтири совсем иного характера, чем московский. Заставки обоих изданий скорее можно сравнить с виленскими заставками Скорины; в обоих изданиях многочисленные инициалы белым по черному, составляющие два алфавита в прямоугольных обрамлениях; этой рамкой они напоминают инициалы Скорины; некоторые инициалы, наиболее часто употреблявшиеся, например *И*, вырезаны в нескольких видах. В обоих изданиях обилие мелких литых украшений: звездочки, листочки, ягоды по одной и по две и др.; некоторые из них явно взяты из немецких и польских изданий, и из них часто комбинируются группы в конце или в начале глав.

При тщательном рассмотрении заставки на л. 1 главного счета, становится очевидным, что она переделана из другой: с правой и с левой стороны, как видно по трещинам, приставлены наугольники, благодаря которым прямоугольная заставка приняла покоеобразную форму. Насколько можно судить по полному тождеству штрихов и размеров, для переделки взята заставка с л. 63 из московского Апостола, повторенная на л. 63 и в львовском Апостоле. В новом виде у заставки отрезана половина верхнего украшения и боковые выступы; с обеих сторон между основной заставкой и добавленными кусками вставлены промежуточные полоски (рис. 20 и 21).

Вся бумага, которую Иван Федоров употреблял для своих польско-украинских изданий, польского происхождения. О

Рис. 20

Заставка из Апостола 1564 г. (л. 63)

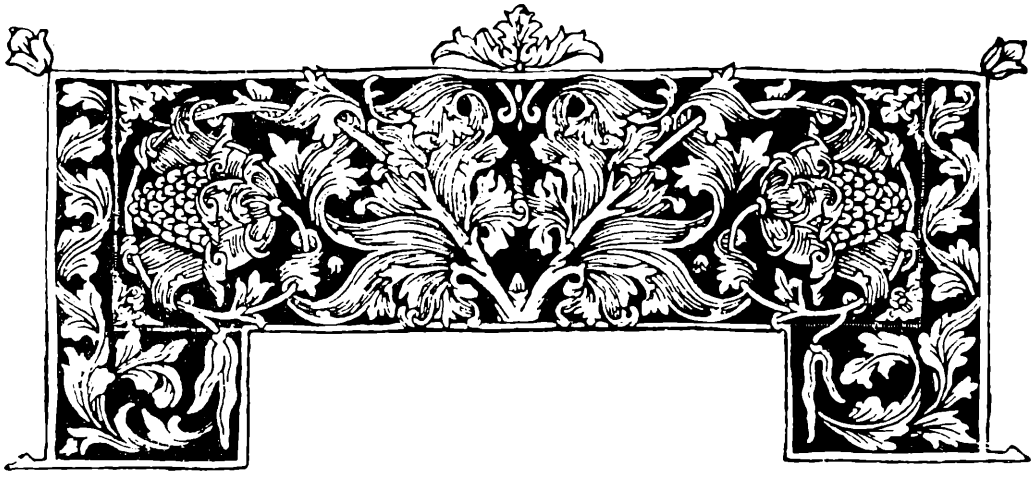


Рис. 21

Заставка из острожской Библии (л. 1-й 2-го счета)

покупке бумаги для острожских изданий сохранилось документальное известие в актах городского суда во Львове, относящихся к 1577 г. В это время Иван Федоров служил уже у князя Острожского. У него были дела с краковским бумажным фабрикантом, который в актах называется просто Лаврентием; ему Иван Федоров был должен 50 злотых. Это мог быть краковский фабрикант Лаврентий, у которого бумажная мельница была в имении Тенчинских, а бумага имела водяной знак—герб Тенчинских—топор. Знак этот встречается очень часто в острожских изданиях.

Вопрос о том, сколько было заводов острожской Библии, до сих пор не решен точно. На титульном листе ее всегда помещается дата 1581 г.; но, кроме титульного листа, выходные сведения помещены на последнем, 78-м листе 6-го счета. Этот лист бывает двух видов: или с кратким послесловием с выходными сведениями 12. VII. 1580 или с двумя послесловиями и выходными сведениями 12. VIII. 1581. Так как уже давно было замечено, что и в тексте острожской Библии бывают листы, напечатанные с изменениями, то обыкновенно думали, что эти различия соответствуют двум видам выходных сведений, а следовательно, можно было предположить, что были два издания острожской Библии, обусловившие эти расхождения. Однако это предположение при ближайшем изучении вариантов острожской Библии оказалось несправедливым. Установить существование двух изданий, из которых одно менее совершенное, с опечатками и недостатками текста, а другое исправленное и дополненное—нельзя. Результат, получившийся от сравнения 34 экземпляров, прошедших через Библиотеку им. Ленина, оказался иным: всех вариантов, кроме вариантов листов с выходными сведениями, обнаружено 28; еще раньше Пташицким[1] найден 29-й вариант, не обнаруженный ни в одном из экземпляров, бывших в Библиотеке им. Ленина.

Прежде чем подробно описывать все встретившиеся варианты, следует сказать, как они расположены в отдельных экземплярах. Оказывается, что комбинация их совершенно случайна, что лист с исправлением или без исправления может одинаково попасть как в экземпляр с выходными сведе-

[1] Пташицкий, С. Л. Иван Федоров в „Печатном искусстве", 1903, VII—VIII, стр. 291—307.

ниями 1580, так и 1581 г. Тем более изменения украшений не зависят от выходных сведений. Из 29 отмеченных вариантов 5 очень часты, так что приблизительно находятся в половине экземпляров. Другие 24 гораздо реже и попадаются иногда только в 1 экземпляре.

По содержанию варианты можно разделить на следующие группы: 1) чисто типографские варианты—а) такие, где одна доска заставки или инициала заменена другой, б) набор перебран без изменения редакции, иногда на одной странице, иногда на всем печатном листе; 2) поправки, сделанные печатником с целью исправления мелких опечаток — переносов, цифр пагинации и других и 3) изменения редакции текста, которые, вероятно, вызывались требованиями той ученой комиссии, которую созвал князь Острожский для надзора за правильностью текста. Варианты всех указанных видов комбинируются и между собою и с различными выходными сведениями самым случайным образом.

Один из редакционных вариантов интересен тем, что по нему можно установить, что комиссия потребовала внесения поправки тогда, когда большинство экземпляров было не только уже отпечатано, но очевидно уже и сброшировано. Вопрос шел о замене первого слова 4-й главы первого послания к солунянам „темже" словом „прочее". У Ивана Федорова в московском Апостоле эта глава начиналась словом „темже", и эта редакция впоследствии сохранилась во всех московских и немосковских изданиях, но почему-то в значительной части экземпляров Острожской Библии было велено внести изменение; для этого пришлось вырезать этот лист (52-й 6-го счета), приходящийся как раз в середине тетради и заменить вновь напечатанным. Видно, что такая операция была произведена; иногда это видно и по приклеенному листу, а кроме того, во многим экземплярах, по несоответствию водяных знаков на двух половинах листа, т. е. или по наличию знаков на обеих половинах листа или по их отсутствию. Казалось бы, что эта поправка должна была быть непременно во всех экземплярах издания 1581 г. и ни в каком случае не быть в экземплярах издания 1580 г., т. е. если бы действительно существовало 1-е издание, ранее разошедшееся, то в него не могло бы попасть исправление, заставшее уже готовое второе издание, из которого пришлось делать вырезки.

Но и этого нет: есть экземпляры с выходными сведениями 1580 г., где сделана вырезка, и наоборот, есть экземпляры с выходными сведениями 1581 г., где нет исправления (перечень и описание вариантов см. в Приложении 2-м).

Для объяснения происхождения вариантов надо представить себе работу над острожской Библией: было оттиснуто известное количество, вероятно, гораздо больше, чем по тысяче, всех листов. В процессе работы делались мелкие типографские изменения в отношении орнамента и ошибок набора, может быть, некоторые листы пришлось перебрать, так как набор почему-либо осыпался, и все листы с поправками и без них складывались в отдельные груды: 1-й лист, 2-й, 3-й и т. д.

Первоначально, очевидно, рассчитывали выпустить издание к 12 июля 1580 г., но увидав, что запаздывают, перестали печатать листы с этой датой и заменили их новыми. Следует отметить, что листов с выходными сведениями 1580 г. почти вдвое меньше, чем листов с датой 1581 г. Пока еще происходило печатание, немедленно начали брошировать листы в тетради, так что в один экземпляр могли попасть и более ранние и более поздние листы. Вся работа большую часть времени происходила в одном месте, в Остроге; работа шла в течение нескольких лет, а тираж Библии был по тем временам огромный; это несомненно по количеству сохранившихся до сих пор экземпляров, встречающихся и во всех русских библиотеках и на Балканском полуострове, как это указано акад. М. Н. Сперанским[1].

Даже современники отметили этот большой тираж: надпись 1593 г. на одном из экземпляров Библии говорит, что Библия печаталась „не единем заводом и привезены быша великия России (в) царствующий град Москву... и рассеяшася во вся грады и держатся до сих времен". А главное документально известно, что Иваном Федоровым только во Львов было привезено 400 экземпляров; это было после того, как Иван Федоров по каким-то причинам порвал отношения с К. Острожским, и во второй раз водворился во Львове, надеясь завести там новую типографию. 200 экземпляров Библии он дал аптекарю Иерониму за долг, а 200, правда, не

[1] „Древности", 1914, т. XXII, вып. 2.

совсем законченных, лежали в подвале того дома, где он жил во Львове. Там же он решил закончить эти экземпляры и начал уже набор недостающих листов: в описи его имущества упоминаются недоконченные набранные листы. Неизвестно, удалось ли Ивану Федорову увезти с собой во Львов острожский шрифт или матрицы этого шрифта. Высказывалось предположение, что прежний шрифт остался в Остроге, и в Львове он сам или его ученик Гринь Иванович[1] сделал новый шрифт и им начал допечатывать Библии. Из дальнейшего будет видно, что острожские шрифты переехали во Львов и были, вероятно, некоторое время в распоряжении Ивана Федорова, но в момент опечатания его имущества по претензии князя Острожского в 1583 г. в типографии не находились. У Пташицкого[2] приведена опись имущества типографии и оценка его сведущими людьми; она была сделана уже $1^1/_2$ года спустя после смерти Ивана Федорова, когда К. Острожский снял арест с его имущества. В оценочном акте перечислены следующие ценные предметы: пресс, металлические орудия (рама, винт, гайка и др.) и 200 экземпляров Библии, 120 полных и 80 неполных. Шрифтов в целом виде не указано. Говорится только об оловянных буквах в одной раме, даже не оцененных; а между тем, если бы там были найдены шрифты, они представляли бы собой большую ценность. В острожских изданиях после отъезда Ивана Федорова из его шрифтов появляются только два, один—московский, другой—тоже московского типа, более крупный, о котором сказано выше; обычный московский появляется в нескольких изданиях, например, в Маргарите 1594 г. и других. Интересно документальное известие, приводимое Огиенко[3], что острожская типография в 90-х годах XVI в. не имела запаса кирилловских и греческих шрифтов, а потому несколько раз из Острога братству львовскому писались просьбы о присылке на время нужных шрифтов, причем князь Острожский гарантировал сохранность и своевременное возвращение шрифтов в львовскую типографию. Однако, очевидно, львовское братство просьбы князя Острожского не исполнило, потому что ни в одном из

[1] Огіенко, І в., Історія українського друкарства, т. І, Львів, 1925, стр. 172.

[2] „Печатное искусство", 1903, стр. 300.

[3] Огіенко, І в., Історія українського друкарства, т. І, Львів, 1925, стр 174.

позднейших острожских изданий не появляются мелкие кирилловские и греческие шрифты Ивана Федорова. Об одном возбуждающем сомнения издании будет сказано ниже.

Итак, среди того имущества, которое опечатал князь Острожский и которое после снятия им ареста досталось не семье умершего, а другим кредиторам, острожских шрифтов не было. Эти кредиторы были Корунко и Сачко. Хотя к имени Корунко постоянно прибавляется прозвище сафьянника, а к имени Сачка—седельника (сидляр), но в акте 2 жовтня 1586 г. они названы русскими печатниками[1]. По этому акту оказывается, что ровно через год после оценки имущества Ивана Федорова и передачи его в распоряжение новых владельцев у них было только 25 непереплетенных Библий, а остальные 175 они уже продали; как они их продавали, полными или неполными—неизвестно; известно, что впоследствии они договаривались с виленским печатником Мамоничем доставить несколько полных и неполных экземпляров Библии. Очевидно, Мамонич или эти кредиторы Ивана Федорова впечатали недостающие листы. И действительно, существуют экземпляры, имеющие в 3-м счете 48 лл. (от л. 133 до л. 180), напечатанных другим шрифтом; эти листы названы Ундольским „виленскими листами". В трех библиотеках есть экземпляры этих „виленских листов": в Государственном Историческом Музее, библиотеке Варшавского университета и в Библиотеке им. Ленина; в последней они представлены отдельными тетрадями, не вплетенными в экземпляр Библии. Шрифт этих листов напоминает несколько острожский, но значительно мельче его, так что полоса набора короче, чем в обыкновенном экземпляре на 2,7 *см* (вместо 24,9—22,2 *см*) и уже на 2 *см* (вместо 13,6—11,6 *см*). Печатник, видимо, усиленно старался точно воспроизвести текст острожской Библии, однако полной копии не получилось: есть отступления в правописании, например, „у" вместо „оу", слово „плачъ" с твердым знаком, а не с мягким, „естъ" вместо „есть", „купъцы" вместо „купцы" и др., не имеющие особого значения, шрифт вроде курсивного, как и острожский, но в противоположность ему довольно неразборчивый и при чтении утомительный для глаз. Из букв, неподходящих к острожским можно указать *е*, спускающееся ниже строки, и *в* в виде ром-

[1] Огієнко, Ів., Історія українського друкарства, т. I, Львів, 1925, стр. 53.

ба. Только часть орнамента напечатана со старых досок, некоторые инициалы и две заставки; другие—несомненно с новых. Отпечатки часто такие неясные, что, видимо, печатание производилось или наспех или какими-либо неумелыми мастерами. Даже о порядочных дощечках для вновь вырезанных украшений эти печатники не захотели позаботиться и вырезали, например, инициал *А* на дощечке без угла. Одна заставка Ивана Федорова употреблена несколько раз, но везде отпечатана верхом вниз. Плетеные концовки напечатаны с новых досок; рисунок их скопирован с прежних досок Ивана Федорова, но на всех заметно упрощение его или же он просто не доделан. На л. 166 два инициала пропущены совсем. По этой небрежности, которая видна в орнаменте „виленских листов", следует думать, что печатал их не Иван Федоров, никогда не выпускавший неряшливых работ, а печатник, интересовавшийся быстротой работы, желавший допечатать неполные экземпляры и сбыть их с рук. Кто это был — пока неизвестно. По бумаге „виленских листов" можно с некоторым вероятием предположить, что они выпущены на несколько лет позже острожской Библии, после смерти Ивана Федорова; знаки отличаются большей сложностью рисунка, вокруг основного знака нагромождаются сложные украшения, что говорит, по мнению Лихачева, о более позднем времени происхождения знаков[1], они приближаются к знакам бумаги, употребленной в виленских изданиях 1591 г.

---

[1] Лихачев, Н. П. Палеографическое значение бумажных знаков, т. I, Спб. 1899, стр. XLVIII.

Применение типографского материала Ивана Федорова после его смерти

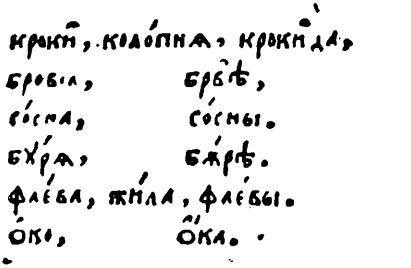
Интересно проследить по другим произведениям печати, как и после смерти Ивана Федорова продолжали жить некоторые составные части его типографии. Надо припомнить, что во время пребывания Ивана Федорова в Остроге его прежняя, львовская типография была им заложена в 1579 г. Якубовичу. По мнению Пташицкого[1] она была в действии и находилась под наблюдением Ивана Переплетчика, сына Федорова. Из этой типографии Иван Федоров увез с собой многое: старую московскую рамку, некоторые концовки и московский шрифт или его матрицы, но большая часть досок заставок осталась во Львове: в острожских изданиях встречаются лишь немногие. Эта типография была выкуплена львовским братством[2], и в 1590-х годах братству удалось устроить типографию.

Первая книга, напечатанная в новой братской типографии, была „Грамматика еллино-славянского языка“ 1591 г. В ней два

[1] „Русская Старина“, 1884, стр. 475.

[2] Огієнко, І. в., Історія українського друкарства, т. І, Львів, 1925, стр. 81.

вида кириллóвского шрифта и два вида греческого. Детальное сравнение форм отдельных литер этой Грамматики и литер острожской Библии дает полное тождество шрифтов; в более крупном шрифте особенно ясно совпадение двух видов *д* с неравными ножками, двух видов *т*—с мачтой и в три палочки ѣ и ъ—в строку и с мачтой, *к* — составленного из двух частей. Несмотря на трудность сравнения, кажется, что сомнений в точности совпадения всех шрифтов быть не может. В кирилловском шрифте обращают на себя внимание некоторые строчные инициалы, не подходящие к об-



ΣРЕДНѢА.

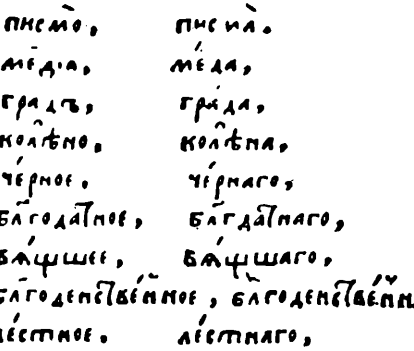


Рис. 22

Страница из „Грамматики еллино-славянского языка". Львов, 1591.

щему характеру шрифта, чуть-чуть наклонного, похожего на курсив; например, *К*, *Д*, *С*—совершенно перпендикулярные к строке (рис. 22). Однако присутствие их объясняется очень легко не внесением литер новой формы, а употреблением в славянском тексте греческих инициалов, взятых из греческого шрифта. Эта путаница ясно показывает, что братская типо-

графия оперировала в этом случае чужими, пришедшими извне шрифтами, которые ей были плохо известны и которые она приспособляла для своего употребления.

Противоречием предположению о переводе всех острожских шрифтов во Львов как будто является существование одного вышеупомянутого сомнительного издания, очень близкого по шрифту к острожской Библии. Это брошюра „О крестном знамении" без места и года печати, на 3 лл., изданная „накладом" епископа острожского и луцкого. Ундольский и Каратаев относят его ко времени около 1584 г., а Каратаев предполагает, что оно вышло в Остроге, может быть, по сходству шрифтов или, может быть, потому что его издателем был острожский епископ. Однако тщательное сравнение отдельных литер скорее приводит к заключению, что шрифты этого издания и Библии не вполне тождественны; разница видна в начертаниях *к*, *з*, *у*, малого юса, строчного инициала *Б*, некоторых надстрочных знаков, например, надстрочное *Д* похоже на немецкое готическое. Создается впечатление, что если это и острожский шрифт, то неполный, с какими-то добавлениями. Манера печатания обличает неопытных печатников, строки не выравнены и плохо оттиснуты.

Что касается орнамента, то грамматика 1591 г. изобилует мелкими наборными украшениями, так часто попадающимися в острожской Библии: это головки ангелов, ягоды и др.; на обороте титульного листа и на противоположной странице находятся две шишки, впервые употребленные в заблудовской Псалтири и из которых одна была употреблена в острожской Библии.

Те же шрифты и украшения и то же смешение шрифтов встречаются в другом издании братской типографии 1591 г., Просфонима, т. е. привет от школы львовского братства посетившему ее митрополиту. Они дожили до XVII в., ими напечатаны титульные листы и стихи около гербов в издании 1614 г. „О священстве" Иоанна Златоуста; предисловие напечатано шрифтом, близким к острожскому, но с добавлением таких литер, которых не было в прежнем шрифте, так что этот шрифт нельзя отождествлять с прежним: этот подновленный шрифт встречается также и в Октоихе 1630 г., и в более поздних изданиях.

Сомнения быть не может, что братская типография получила значительную часть своего состава из острожской типо-

графии. Каким образом совершилась эта передача, из документов не видно. По данным, приводимым Пташицким и Огиенко, шрифты из Острога должны были находиться в типографии, опечатанной по распоряжению К. Острожского еще при жизни Ивана Федорова, а потом вместе с прочим имуществом, уже после его смерти, должны были перейти к Сачку и Корунке. А между тем они оказались в составе типографии, заложенной Якубовичу. Если принять во внимание, что этой типографией заведовал сын Ивана Федорова, и что она не прекращала работать, как говорит Пташицкий, то возникает мысль, не поспешил ли Иван Федоров передать эти шрифты своему сыну, так как он знал, вероятно, об опасности, которая грозила ему со стороны князя Острожского. Но это, конечно, только предположение; может быть, они, были переданы как-нибудь иначе; но несомненный факт, что ими работали в львовской братской типографии в течение 25 лет. В 1616 и 1628 гг. произошли пожары, от которых сгорела не только братская типография, но и та улица, где она стояла. Впрочем, как говорит Зубрицкий[1], из прежней типографии отстояли станок и шрифт. В 1630 г. типография была восстановлена и с этих пор стала работать без перерыва. Начиная с первой выпущенной из нее книги, во всех изданиях появляются заставки типа федоровских из львовского или московского Апостола. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что здесь находятся не копии досок Ивана Федорова, а отпечатки с самих его досок. Для некоторых заставок это может быть доказано одинаковыми дефектами, которые в позднейших изданиях увеличиваются и дают более широкие и более длинные трещины. Такова, например, заставка Апостола 1564 г. (рис. 24); на ней трещина поперек линий верхнего украшения с левой его стороны; на всех позднейших отпечатках видно, как постепенно увеличивается эта трещина. Или же, если оттиски в Апостоле 1564 и 1574 гг. безукоризненны, так как доски еще не имели трещин, то могут быть иногда указаны какие-либо ненужные по сути рисунка черточки, вроде заусенцев, которые не были бы повторены при копировании, а между тем они повторяются и в изданиях XVII в. Очевидно, во время пожаров спасли не

[1] Огієнко, Ів., Історія українського друкарства, т. I, Львів, 1925, стр. 86.

только шрифт и станок, но и доски; или, может быть, ввиду особой пожарной опасности для досок, их хранили вне типографии, например, в подвале.

Приводимая ниже таблица указывает дефекты досок, устанавливающие пользование ими в позднейших изданиях.

Апостол 1564 г.

	Горизонталь	Вертикаль	
л. 147 б	128 *мм*	3—4 *мм*	Разрыв правой боковой линии; на других трех отпечатках в том же издании (л. 55а, 81а, 166а) разрыв не виден, очевидно листы печатались не всегда в порядке их счета.
л. 91 а	125	18—19	Разрыв на правой боковой линии (рис. 23).
л. 190 а	56—66	25	Трещина, проходящая поперек линий верхнего украшения; на первом отпечатке этой доски на л. 133а еще не видна (рис. 24).
Инициал *I*	17—20	1	Разрыв нижней изогнутой линии.

Часовник 1565 г.

л. 1 а	33—52	0	Разрыв нижней линии (рис. 27).

Апостол 1574 г.

л. 179 б	51—102	0	Разрыв нижней линии.
л. 167 а	104—112	37	Трещина поперек линий завитка, выступающего выше рамки в правой стороне заставки. По наметившейся еще в 1574 г. трещине в позднейших изданиях видно, как отвалился кусок доски (рис. 26).
л. 174 а	125—130	37	Нет конца верхней линии.
л. 242 а	9	8	След сорвавшегося резца, исказившего границу черного фона с левой стороны заставки (рис. 25).

Рис. 23

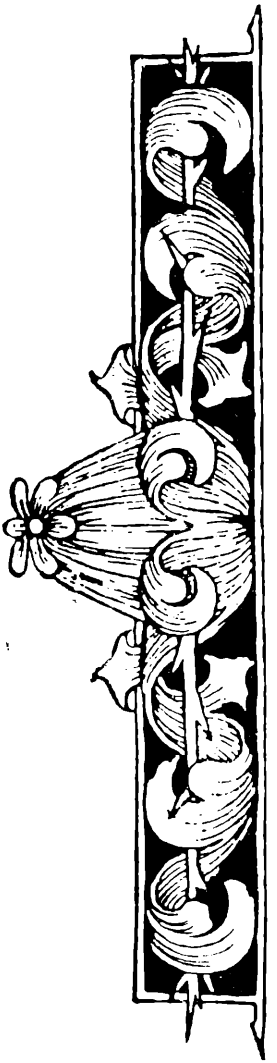


Рис. 24

Заставки из московского Апостола 1564 г. (лл. 91 а и 190 а)

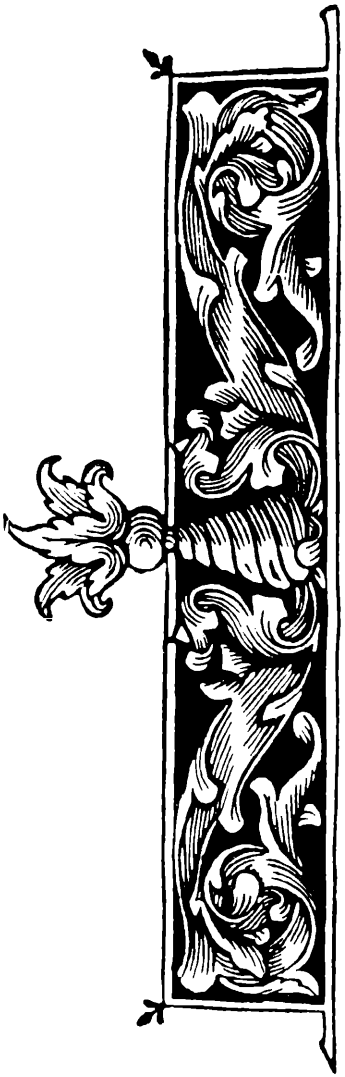


Рис. 25

Рис. 26

Заставки из львовского Апостола (лл. 242 а и 167 а)

Приведенные здесь примеры выбраны с наиболее резко бросающимися в глаза дефектами. Менее резко выраженные признаки могут быть найдены в большинстве досок.

Факт появления досок в книге через 55 лет после того, как они были оттиснуты Иваном Федоровым в Апостоле 1574 г., кажется очень невероятным. Доски эти искали, высказывали предположение, не хранятся ли они теперь или, по крайней мере, не хранились ли раньше в каком-нибудь музее [1], например, в Кракове: не нашел ли их библиотекарь Юзеф Мучковский в середине 1840-х годов, когда ему попались какие-то старые гравированные доски в Краковском университете; альбом оттисков с этих досок был издан Мучковским в Кракове в 1849 г.[2] Действительно, в голову не могло притти, что ими работали и что некоторые из них оказались годными к употреблению до 70-х годов XVIII в. [3].

Всех досок, оставшихся от изданий Ивана Федорова и употреблявшихся после его смерти в львовской и острожской типографиях, — 62; из них сделаны были еще в Москве 17, в

---

[1] Иван Федоров первопечатник. М.-Л. 1935, стр. 113.

[2] Экземпляр этого альбома хранится в Отделе редких книг Библиотеки им. В. И Ленина; альбом содержит 2816 гравюр на дереве, взятых из западно-европейских книг некирилловского шрифта; эти гравюры по большей части иллюстративного характера. Среди украшений, взятых из книжного орнамента, есть одна плетеная концовка (№ 2268), которая могла бы быть отпечатана с доски Ивана Федорова (см. львовский Апостол 1574 г., л. 83а). Тождество рисунка и размера, насколько можно судить по отпечатку с ветхой доски, — полное. В львовских изданиях последний отпечаток с этой доски обнаружен в издании 1699 г. (Триодь постная); вследствие сильного загрязнения доски, на отпечатке нельзя увидать никаких индивидуальных особенностей доски, т. е. трещин, даже если они и были на доске; а на отпечатке Мучковского трещин несколько. Возможно, что доска Ивана Федорова после 1699 г. попала в какую-нибудь типографию, печатавшую некирилловским шрифтом, и с прочими досками этой типографии была впоследствии перевезена в здание Краковского университета. После промывки, произведенной Мучковским, на доске обнаружились трещины, не видные на отпечатке 1699 г. В настоящее время тождество досок доказано быть не может.

[3] Только в статье Макаренко „Орнаментація українськоі книжки XVI—XVII ст." (Українська книга XVII—XVIII ст. в Трудах Українського наукового институту книгознавства, т. I, стр. 193-194) указаны отпечатки досок Ивана Федорова в некоторых львовских изданиях XVII в.; но наряду с этим правильным указанием автор ошибочно считает за отпечатки с тех же досок некоторые украшения в виленских изданиях, в действительности лишь сходные с ними по рисунку.

Заблудове 14, в Львове 29 и в Остроге 2. В приложениях 3—6 перечислены заставки и инициалы, взятые из типографий Ивана Федорова, а выше указаны признаки, делающие в некоторых случаях неоспоримым тождество их досок.

Кроме подлинных досок Ивана Федорова, в изданиях братской типографии употребляются доски, скопированные с них, тех же рисунков, но заново гравированные; лучшие из этих копий (в Октоихе 1630 г. и в Триоди цветной 1663 г.) были сделаны еще в Крилосской типографии 1606 г. и оттуда перешли в львовскую типографию,

Особенно интересно и наглядно доказывается не сходство, а тождество досок при сравнении отпечатков типографской марки, которая, по примеру Апостола 1574 г., помещалась в разных львовских изданиях XVIII в. на последней странице; после 1574 г. она появилась впервые в 1638 г. в Анфологионе, но в измененном виде: ясно видно, что знак Ивана Федорова вырезан из доски, так что на фоне видна белая трещина, и на его место вставлено другое изображение. Вокруг знака Ивана Федорова было его имя, изображенное четырьмя буквами: наверху по обеим сторонам знака *I* и *ω*, внизу, также по обеим сторонам, *A* и *H*; *ω* и *H* — правее знака — были удалены вместе с ним, а левые, *I* и *A*, остались, но так как они потеряли смысл, то их счистили, однако следы их видны, что особенно ясно обнаруживает тождество досок. В таком виде марка является и после 1638 г., в 1651, 1688, 1694 и 1701 гг. Доска с изображением апостола Луки с инициалами гравера *WS* в львовских изданиях больше не встречается; она или просто пропала или показалась чужой по стилю. Всех изданий, в которых найдены отпечатки с досок Ивана Федорова, 48; они выходили в течение 184 лет (начиная с 1588 г. и кончая 1772 г.). В перечисленных 48 изданиях с заставками Федорова далеко не редкость встретить до 20 его досок, употреблявшихся для печатания одной книги. Кроме заставок и больших инициалов, в львовских изданиях встречаются инициалы типа острожской Библии, например, в Анфологионах 1632 г. и 1638 г. Друкарь Иоанн Кунотович, стоявший во главе братской типографии в 1638 г. и несколько позже, перенял даже знак Ивана Федорова и поставил его в конце Октоиха 1639 г., вырезав его, конечно, со своими инициалами.

Кроме указанных украшений, обращает на себя внимание одна крайне редкая доска, отпечатанная в львовском Октоихе

Рис. 27
Составная концовка из львовского Октоиха 1630 г.

Рис. 28
Заставка из Часовника 1565 г.

Рис. 29
Заставка из острожской Библии

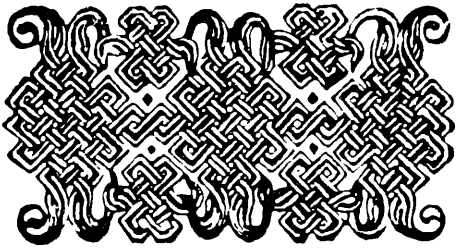
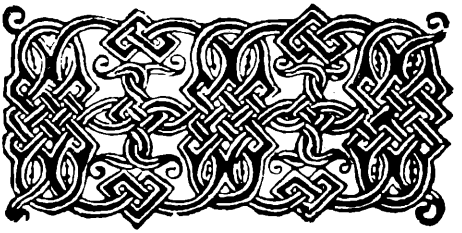


Рис. 30

Рис. 31



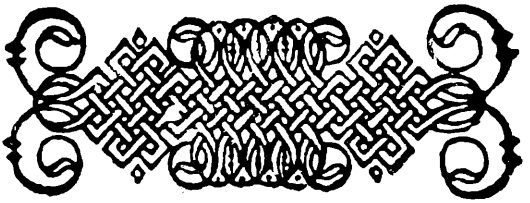


Рис. 32

Заставки из часовника 1565 г.

1630 г. на обороте л. 1 главного счёта над обычной концовкой в одном экземпляре из семи, имеющихся в Библиотеке имени Ленина. Это заставка из первого издания московского Часовника 1595 г. (л. 1), воспроизведенная в Книге в России[1]. В других экземплярах Октоиха заставки из Часовника нет, в конце главы поставлена только концовка, пространство над нею ничем не заполнено, а она сама помещена несколько выше. Не может быть сомнения, что отпечаток сделан с доски Ивана Федорова: совпадает не только рисунок, но в обоих изданиях— и в брюссельском экземпляре Часовника 1565 г. и в львовском Октоихе 1630 г.— виден совершенно одинаковый разрыв нижней линии (рис. 27).

Вообще доскам Часовника посчастливилось: из семи известных досок шесть появились в позднейших изданиях самого Ивана Федорова или его продолжателей: две плетеных заставки (рис. 31, 32) часто появляются во всех позднейших изданиях Ивана Федорова и после его смерти оказываются во Львове.

Третья плетеная заставка (рис. 30) встречается несколько раз после смерти Ивана Федорова в разных острожских изданиях, например, в Маргарите 1596 г, на л. 103 об. и др.

Заставка с л. 65 (рис. 11) появляется в Остроге в 1588 г. в „Сборнике" (на л. 1 главн. сч.) только один раз; заставка с л. 100 (рис. 28) обнаружена в львовском издании 1706 г. (Апостолы и Евангелия недели) в довольно сильно поношенном виде. Может быть, она и раньше украшала собой такие же издания малого формата, вроде Часовников; но их нет в Библиотеке им. Ленина и, может быть, вовсе не сохранилось до нынешнего времени; в этом же издании 1706 г. на л. 1 помещена, также впервые обнаруженная, заставка из острожской Библии (с л. 71-го 3-го сч. стлб. 1) (рис. 29).

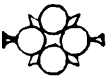
Обнаружение 60% (21 из 35) московских досок в разных польско-украинских изданиях заставляет снова вернуться к вопросу, поставленному в начале настоящей статьи, о связи анонимной типографии с типографией Ивана Федорова. Выше уже доказывалось, что типографии эти были разные и по типографским приемам, и по шрифту, и по орнаменту. Тот факт, что Иваном Федоровым были увезены из Москвы доски Апостола и Часовника, а также их шрифт или матрицы, а из ано-

[1] Книга в России, т. I, М., 1924, стр. 84.

нимных изданий в польско-украинских изданиях не встречается ни одной доски и ни одного шрифта, очень убедительно подтверждает обособленность анонимной типографии от типографии Ивана Федорова. Что он считал своим, то он и увез; из чужой типографии он ничего не мог увезти. Шрифты и украшения анонимной типографии исчезли окончательно и ни в каких изданиях больше не встречаются. Это служит косвенным намеком на то, что анонимная типография была уничтожена до тла каким-то образом. Может быть, именно к ней относится известие о пожаре; в типографии Ивана Федорова или вовсе не было пожара, или она сгорела лишь отчасти.

Возвращаясь к вопросу об орнаментике львовских изданий XVII в., надо добавить, что в этих изданиях появились также доски, сделанные в Заблудове для Псалтири с часословцем 1570 г. Выше говорилось о гербе Ходкевича, повторенном в Апостоле 1574 г. В книге Иоанна Златоуста „О священстве" помещены все заставки из Псалтири, а также некоторые инициалы. Заблудовские доски употреблялись, правда в небольшом количестве и не очень часто, до средины XVIII в. Почему так упорно употребляли в братской типографии доски Ивана Федорова — довольно трудно решить. В изданиях братской типографии XVII в. постоянно появлялись новые заставки иного стиля, чем федоровские, более близкие к западным, с головками ангелов и изображениями святых посредине, иногда с примесью животного орнамента, но они не отличались такой долговечностью, как федоровские; может быть, они были сделаны на менее прочном материале. Доски Ивана Федорова служили без износу; прочность их была такова, что некоторые из них сохранили отчетливость рисунка до самого конца, у многих не отломились даже выступы; отпечатки, конечно, стали грязнее, линии грубее и толще. Вероятно, также бедность львовской типографии заставляла ее держаться за эти старые доски.

ВЫВОДЫ



1. Иван Федоров не был первым московским печатником. Его типография 1564—1565 гг. была не единственной в Москве; параллельно (и несколько ранее) работала анонимная типография „печатников Четвероевангелий".

2. Разгрома типографии Ивана Федорова, подожженной враждебно настроенной толпой, грозившей убить печатника, по всей видимости, не было; если и была сожжена, то анонимная типография.

3. Все гравированные доски, в количестве 35, были увезены Иваном Федоровым из Москвы, и значительная часть их была употреблена в его заблудовских, львовских и острожских изданиях.

4. Изданий острожской Библии было одно, а не два.

5. Так называемые „виленские листы" напечатаны не Иваном Федоровым.

6. Острожские шрифты Иван Федоров не только привез с собой из Острога во Львов, но и сумел их уберечь от ареста, наложенного на его имущество князем К. Острожским.

7. Доски Ивана Федорова были в работе и после его смерти; некоторые употреблялись в течение 200 лет.

1. ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ В АНОНИМНЫХ ИЗДАНИЯХ

Вариантов кабана обнаружено при просмотре шести экземпляров Евангелия 1-го шрифта до 14; совпадения со знаками Брике не обнаружено; наиболее полное совпадение получилось со знаком виленского Евангелия 1575 г., приведенным у Тромонина под № 423, и со знаком № 1754 Лихачева (1554 г.); группа из пяти знаков приближается к № 1775 г. Лихачева, хотя все они несколько отступают от него, остальные семь не совпадают ни с какими образцами. После л. 300 в Евангелии начинается бумага со знаком короны или тиары. Знак этот распространен также на значительную часть XVI в., но в Евангелии преобладает знак тиары не с обыкновенным крестом, а с таким, три конца которого заканчиваются трилистниками. Этот знак очень редок; у Брике он встречается 4 раза, но два более подходящие номера не совпадают по размеру (№ 4972—1559 г., № 4975—1580 г.); более точно совпадающий знак найден в издании сочинений Лютера (Opera, т. IV, Jenae, 1558). У Лихачева такие знаки попадаются лишь с добавочными украшениями или инициалами (например, № 1728—1552 г.), а следовательно, их не следует принимать во внимание.

Другой вид тиары с простым крестом, над которым звезда из пересекающихся линий и с украшением внизу, занимает значительное число листов Евангелия, он близко подходит к приведенному у Тромонина под № 766 и повторенному у Лихачева № 1815—1558 г.; нижнее украшение, хотя часто очень неясное, непременная принадлежность всех тиар с простым крестом, встречающихся в Евангелии 1-го шрифта. В немецких книгах тиара с этим крестом, но без нижнего добавления, постоянно встречается не только в 50-х, но и в 40-х и 30-х годах XVI в. Гераклитов ошибочно отождествляет тиару из Евангелия именно с этим ранним знаком. Тиара без нижнего

украшения употребляется в Евангелии исключительно с крестом из трилистников. Конец Евангелия напечатан со знаком медведя разных размеров, преобладают мелкие знаки; иногда знак поставлен вдоль филиграней, иногда поперек, один крупный,—с рожком на боку; все медведи в ошейниках с бубенчиками или с кругами; знаков медведей с указанным признаком и такого малого размера, как изучаемые, в справочниках нет; приведенные у Брике № 12320—12328—большего размера, ни одного нет, поставленного поперек филиграней; вообще знаки небольшого размера от 1506 до 1560 гг.; у Лихачева есть уродливый знак такого типа № 1730—1552 г., у Тромонина № 1720—1545 г. Подходящий знак крупного размера найден в издании 1534 г. Agrippa, De occulta philosophia, а также в рукописи Государственнного Исторического Музея (Ув. 110) „Поучения Иоанна Златоуста" с надписью 1569 г.; часть листов имеет подходящий знак медведя, но с ними изучаемые полностью не совпадают. Гераклитов обращает главное внимание на размер медведя и, взяв попавшиеся ему у Лихачева знаки ранее 1550 г., на этом основании относит появление Евангелия к самому началу 1550-х годов. Но, как видно из приведенных примеров, такой вывод не обязателен. Все знаки по большей части указывают на время до 1560 г., но не непременно на самое начало 1550-х годов.

В трех экземплярах Евангелия попалась голова шута в двух видах. Лихачев знает эти знаки только поздние, в XVII в., и очень ранним считает знак 1593 г.; у Брике они указаны под № 15720—15731 (между 1527 и 1577 гг.); один из изучаемых отдаленно напоминает № 15724 (1558 г.) и № 15726 (1561 г.).

Начиная со второго издания (Псалтирь 1-го шрифта), бумага употребляется французская. Знаки, преобладающие здесь,—сферы среднего размера, реже—малого размера, со звездой на верху вертикальной оси и с кружком внизу ее. Этот знак особенно труден для определения благодаря бесконечному количеству вариантов. Лихачев (т. I, стр. 323) говорит про этот знак: „Сфера, знак средней величины, т. е. старейшая разновидность, принадлежит, главным образом, к знакам 50-х годов, но встречается и во все последующее десятилетие... Но и знак меньшей величины сосуществует, переживая разновидность средней величины и переходя в разных вариантах в 80-е годы XVI века". И несколько ниже: „...в громадном боль-

шинстве случаев [этот знак] указывает именно на 1560-е годы, и только соображаясь с другими знаками, бумагу можно переносить в предшествующее или последующее десятилетие". В Псалтири 1-го шрифта, кроме этих обычных сфер среднего и малого размера, есть сферы особых видов; они же встречаются и в Триоди постной. Это знак большой сферы, которую держит рука, и знак сферы средней величины с лилией наверху, по бокам которой буквы *I* и *B*, также увенчанные лилиями. Ввиду отсутствия полного совпадения знака большой сферы с приведенными в справочниках можно только принять крайние указываемые ими даты за руководящие (Брике № 13994—1550 г., Лихачев №№ 1667 и 1668—1553 г. и № 1763—1555 г., Тромонин № 1258—1536 г. № 1448 Тромонин—в списке не указан). Знак сферы с инициалами *I* и *B* Лихачевым отнесен просто ко второй половине XVI в. В Псалтири вариантов этого знака три, а в Триоди, кроме них, еще три другие, всего шесть. Один из знаков, общий обоим изданиям, довольно точно подходит к № 790 Тромонина — 1564 г., другой, встречающийся только в Триоди, подходит к № 14057 Брике—1554 г. Кроме того, у Брике под № 14056 еще один знак 1548—1552 гг., менее подходящий к изучаемым.

У Гераклитова указывается в Псалтири еще знак перчатки, которого нет в экземпляре Библиотеки им. Ленина, вероятно, благодаря его дефектности. Знак *I* с лилией наверху, также указываемый Гераклитовым, встречается и в экземпляре Ленинской библиотеки; его нет ни в одном справочнике, может быть, он представляет собой остаток от знака сферы с инициалами.

В Триоди, кроме знаков сферы, около 20 знаков руки с короной и со звездой над пальцами, кувшинчика с двумя ручками, кувшинчика с одной ручкой и кораблика.

Знак кувшинчика с букетом цветов на поддоннике довольно близко подходит к № 1764, 1765, 1767, 1774, 1779 Лихачева, относящимся к 1555—1556 гг. и его же № 1884—1887—1567 г.

Знак кувшинчика без поддонника несколько подходит к № 12856 Брике—1553 г. и довольно близок к № 3454 Лихачева—1564 г.

Знак руки или перчатки с короной или звездой над пальцами большей или меньшей величины, с гладким рукавом или

с фестонами, с разными украшениями на кисти или на ладони—встречается в Триоди постной в 15 видах. Знак с рожком на ладони близок к знаку Апостола 1564 г.[1]. Рука со звездой над пальцами и лилией на ладони довольно близка к №№ 351 и 688 Тромонина—оба 1564 г. Знак руки с короной с рукавом о 5—6 фестонах имеет множество вариантов, подходящих к изучаемым, которые относятся к периоду от 1551 до 1575 гг.[2] и большинство которых падает на 1560-е годы. Знак руки с короной и с гладким рукавом похож на знаки Лихачева № 1792—1557 г. и № 1846—1562 г. Незначительное число листов с знаками кораблика. Полного совпадения нет ни с одним указанным в справочниках. По Брике (т. III, стр. 600), знак этот просуществовал на юго-западе Франции с 1549 по 1572 гг.; Лихачев (вероятно, для русских памятников) указывает более тесные рамки с 1559 по 1567 гг. Последний знак кувшинчика с одной ручкой и с буквами на утолщении так неясен, что его почти нельзя уловить.

Знаки Евангелия 3-го шрифта, как уже было сказано выше, близки к знакам Триоди постной, только без ее ранних знаков сферы; здесь очень большое разнообразие кувшинчика и руки.

В настоящем издании изображения водяных знаков приведены в 0,9 натуральной величины.

---

[1] Интересно, что у Тромонина №№ 349 и 350 и Лихачева № 3449 приведены эти знаки из Апостола, но в одном случае рожок повернут к большому пальцу, а в другом—в обратную сторону: настолько велика может быть разница одновременных клейм.

[2] Лихачев № 1746, 1748, 1749, 1760, 1874—75, 1903, 1929—30, 2859—60, 2979—2981, 3147, 3185—86, 3355, 3447, 3448, 3453.

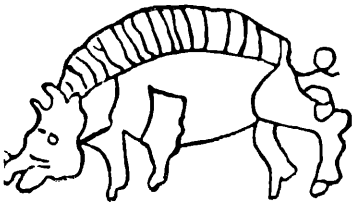


Рис. 33

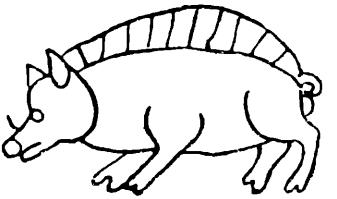


Рис. 34

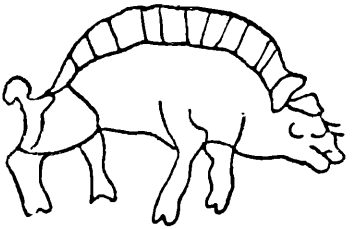


Рис 35

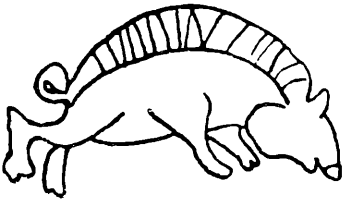


Рис 36

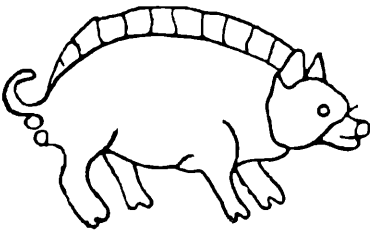


Рис 37

Рис 38

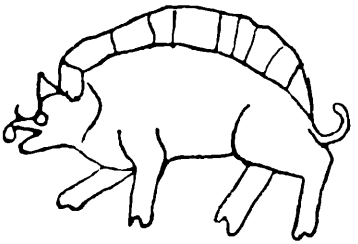


Рис 39

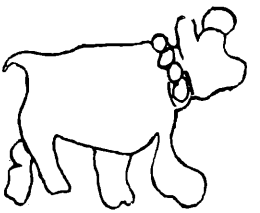


Рис 40

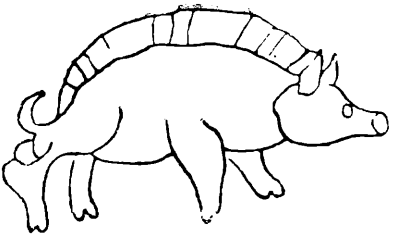


Рис 41

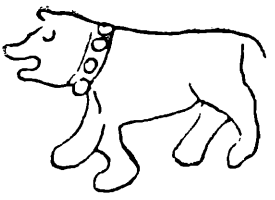


Рис 42

Рис 43

Рис 44

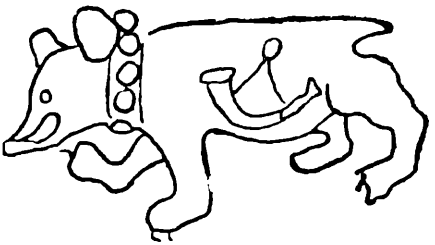


Рис. 45

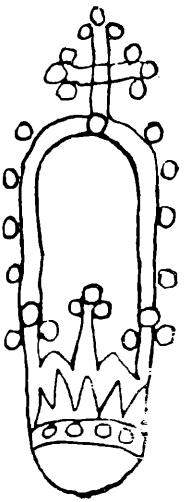


Рис 47

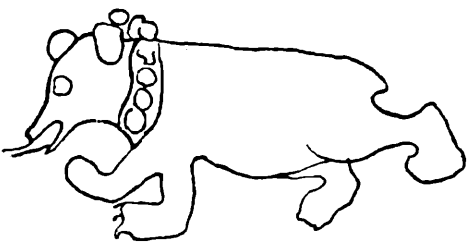


Рис 46

Водяные знаки из Псалтири 1-го шрифта

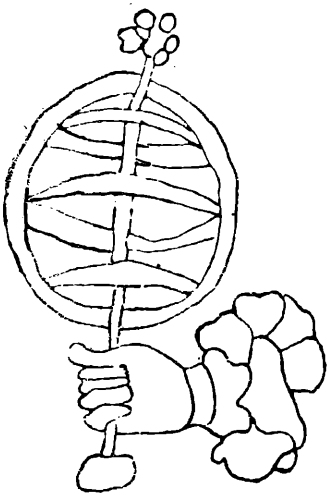


Рис 48

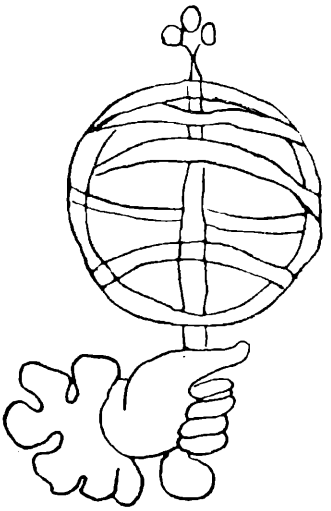


Рис 49

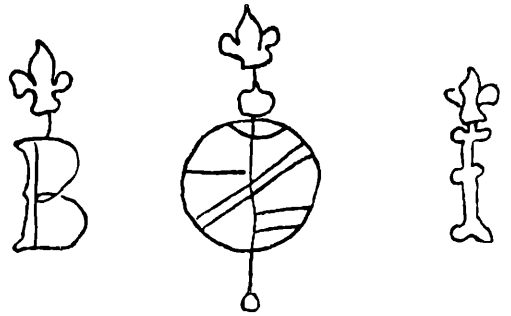


Рис 50

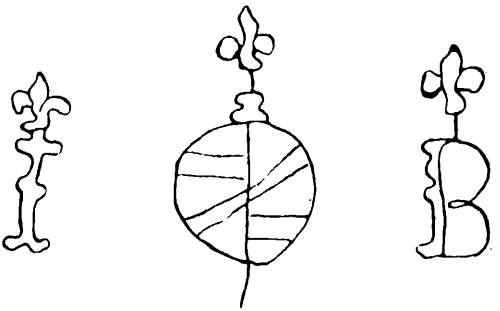


Рис 51

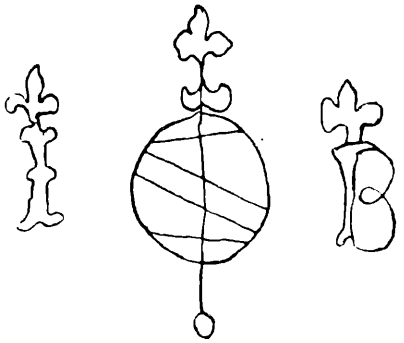


Рис. 52

Рис. 53

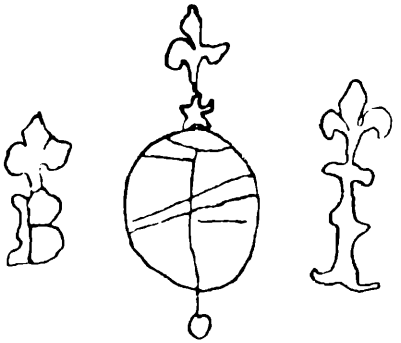


Рис. 54

Рис. 55

Рис. 56

Рис. 57

Рис. 58

Рис 59

Рис 60

Рис 61

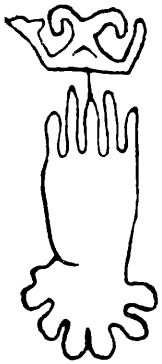


Рис 62

Рис 63

Рис 64

Рис 65

Рис 66

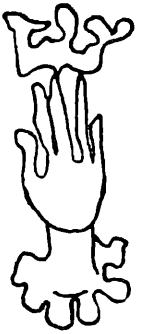


Рис 67

Рис 68

Рис. 69

Рис. 70

Рис 71

Рис. 72

Рис. 73

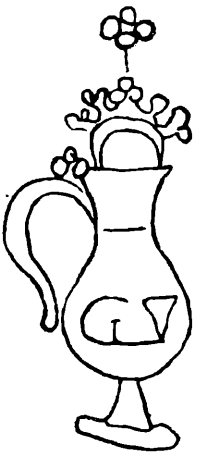


Рис 74

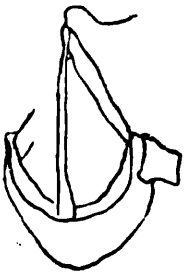


Рис 75

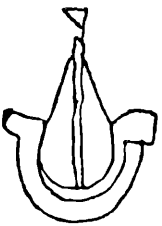


Рис 76

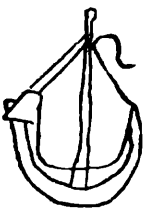


Рис. 77

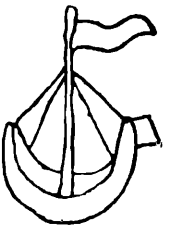


Рис. 78

Водяные знаки из Евангелия 3-го шрифта

Рис. 79

Рис. 80

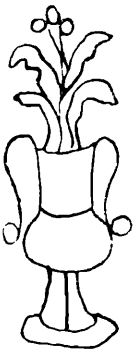


Рис. 81

Рис. 82

Рис 83

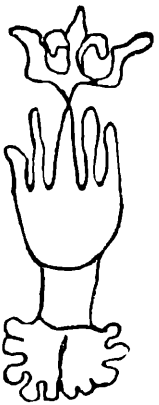


Рис 84

Рис 85

Рис 86

Рис 87

Рис. 88

Рис 89

Рис 90

Рис. 91

Рис. 92

Рис. 93

Рис. 94

Рис. 95

Рис. 96

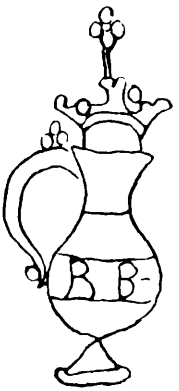


Рис. 97

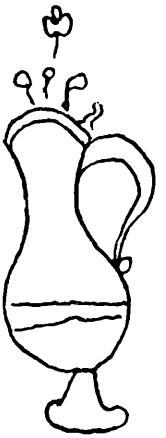


Рис. 98

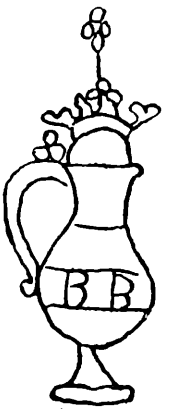


Рис. 99

Приложение 2

ВАРИАНТЫ ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ

В прилагаемой ниже таблице вариантов острожской Библии все расхождения в тексте и наборе между экземплярами Библий даны в виде описания. Что касается расхождения в орнаменте, для ясного представления о таковых даются снимки разных видов инициала *И* и четыре заставки. В тех случаях, когда, кроме орнамента, имеется расхождение и в наборе, снимки орнамента не приводятся.

Примечание 1. При обозначении листов указывается счет, к которому они принадлежат; 1-м счетом названы ненумерованные листы в начале книги.

Примечание 2. Разделение вариантов на 1-й и 2-й виды сделано соответственно численному превосходству того или другого вида: если вариант обнаружен в большом количестве экземпляров, он назван 1-м, хотя бы он представлял собою вторую, уже исправленную редакцию; неисправленная редакция, первая по времени, но встреченная в малом количестве экземпляров, называется 2-м видом.

Примечание 3. Инициалы *И* 1-го и 2-го вида, наиболее часто встречающиеся, несомненно, были вырезаны на нескольких досках, и печатание с них происходило одновременно, почему полного совпадения всех отпечатков быть не может.

1-й вид	2-й вид
1) *Л. 4 а нн. стр. 7 (главным острожским шрифтом)*:	*(московским шрифтом)*
И паки	И паки
Л. 4 а стр. 9: I еще	I еще
Цифра пагинации обозначена 4 палочками.	Без обозначения пагинации.
2) *Л. 1 а (2-го сч.) вязью:*	
Первыи книги моисіовы бытія.	Первыи книги моисеовы.

Набор перебран так, что на всей странице можно встретить несовпадение в разделении текста на строки. Расхождение продолжается и на л. 6 б; колон-титул:

1-й вид	2-й вид
книги ѧ movсiовы	книги ѧ моисеовы[1]
3) *Л. 78 а (2-го сч.) стлб. 1, стр. 50*	
съ пре//дѣлы ея	съ пре//предѣлы ея
4) *Л. 80 б (2-го сч.) стлб. 2, стр. 39.*	
Инициал *И* — 1-го вида.	Инициал *И* — 2-го вида.
5) *Л. 105 б (2-го сч.) стлб. 2, стр. 41.*	
Инициал *И* — 2-го вида.	Вместо инициала *И* инициал *Н.*
6) *Л. 112 а (2-го сч.) стлб. 1, стр. 31.*	
Инициал *И* — 2-го вида.	Инициал И — 1-го вида.
7) *Л. 121 б. (2-го сч.) стлб. 1.*	
Заставка 1-го вида.	Заставка 2-го вида.
Стлб. 2, стр. 8.	
свекровъ//	свекрвъ//
8) *Л. 153 б (2-го сч.) стлб. 1.*	
Заставка 4-го вида.	Заставка 3-го вида.
9) *Л. 156 б (2-го сч.) стлб. 2, стр. 14.*	
Инициал И — 2-го вида.	Инициал *И* — 3-го вида.
10) *Л. 178 а (2-го сч.) стлб. 2, стр. 47.*	
Инициал *В* — 1-го вида.	Инициал *В* — 2-го вида
11) *Л. 199 б (2-го сч.) стлб. 2, стр. 13.*	
Инициал И — 1-го вида.	Инициал И — 3-го вида.
12) *Л. 227 а (2-го сч.) стлб. 2, стр. 48.*	
//(пробел в 6 букв) сн̃овъ ааронових̃ъ (пробел в 5 букв)//	//сн̃овъ ааронових̃ //(пробел в 11 букв)//
13) *Л. 253 б (2-го сч.).*	
Украшение посреди страницы состоит из концовки, 2 головок ангелов и 2 листков.	Те же украшения, с добавлением вазочки.
14) *Л. 265 а (2-го сч.).*	
Вверху страницы мелкие украшения: 1 головка ангела и 2 звездочки.	4 мелких украшения: 2 головки ангелов и 2 звездочки.
15) *Л. 276 а (2-го сч.) стлб. 2, стр. 50.*	
д срца//	д срца мо//
16) *Л. 1 а (3-го сч.) стлб. 2, стр. 49.*	
//(пробел в 9 букв) м ѱало д ддвъ е͠ (пробел в 9 букв)// (пробел в 5 букв)	//(пробел в 5 букв) о наслѣдствующих̃ъ (пробел в 6 букв) //(пробел в 9 букв) м ѱало д ддвъ е͠ (пробел в 9 букв)//
д о наслѣствующыхъ (пробел в 6 букв//	

[1] Воспроизведение варианта 2-го см. в статье *Пташицкого* в журн. „Печатное искусство", 1903.

17) Л. *2 а (3-го сч.)* пагинация неправильная: ли с ѣ.

Пагинация правильная: ли с ѣ

18) Л. *15 б (3-го сч.) стлб. 2, стр. 50.*
не осѣтованы

не осѣтованы

19) Л. *17 б (3-го сч.) стлб. 1, стр. 43.*
Инициал *М* напечатан правильно

Инициал *М* перевернут низом вверх.

Столб. 2 ниже, стр. 50.
Добавлены слоги: жу и...

Нет добавленных недостающих слогов.

20) Л. *21 а (3-го сч.) стлб. 1, стр. 1.*
//от языка въ языкъ, и от с цртвіа в лю//ди ины.

//от языка къ язы, и от с цртвіа в люди//ины.

Расхождение продолжается на протяжении всей страницы, переходит на л. 21 б и наблюдается в обоих столбцах.

Л. *21 а стлб. 2, стр. 9.*
Инициал И — 4-го вида.

а
Инициал И — 2-го вида.

б
Инициал И — 1-го вида.

Примечание: Вид 1-й является первоначальным, лл. 21-й и 22-й напечатаны на одном целом листе бумаги.

Вид 2-й, вторичная перепечатка, л. 21-й всегда бывает приклеен к л. 22-му; очевидно лист в первоначальном виде вырезан и заменен перепечатанным.

21) Л. *26 б (3-го сч.) стлб. 1, стр. 1 (с опечаткой)* оуготова//

(с исправлением) оуготова//

22) Л. *102 б (3-го сч.) стлб. 1, стр. 41.*
Инициал *И* — 3-го вида.

Инициал *И* — 2-го вида.

23) Л. *119 б (3-го сч.).*
Выше полосы, на верхнем поле, нет украшений.

Выше полосы, на верхнем поле, находится украшение из трех одинаковых завитков, вроде восьмерок, поставленных в ряд.

24) Л. *26 а (5-го сч.) стлб. 2, стр. 43.*
Инициал И поставлен правильно.

Инициал *И* перевернут низом вверх.

25) Л. *37 а (5-го сч.) стлб. 2, стр. 1.*
Инициал *Б* — 1-го вида.

Инициал *Б* — 2-го вида.

В соответствии с этим различием инициалов расхождение в наборе в обоих столбцах и на л. 37б, а также на л. 42а и б, служащем 2-й половиной л. 37. Корректуры текста нет, а расхождения состоят в изменении разделения на строки, в замене букв одной формы буквами другой формы, например,

твердого знака в строку той же буквой с высокой палочкой, инициала *Г* 1-го вида тем же инициалом 2-го вида; например:

Стлб. 1, стр. 1.	
ихъ (твердый знак с мачтой)	ихъ (твердый знак в строку).
Стр. 5.	
разгнѣвався	разгнѣвася
Стлб. 2, стр. 7.	
... и мы сто о// вецъ	... имы сто//овецъ ...
Стр. 11.	
и о// брѣтъ възлагаетъ на рамѣ свои ра//дуяся.	и обрѣ// възлагаетъ на рамѣ свои радуася.//
Л. 42 а стлб. 1, стр. 19.	
..иродъ// (твердый знак в строку).	иродъ// (твердый знак с высокой палочкой).
Стр. 20.	
облък//	оболкъ//
Стр. 50.	
и//же за крамолу и оубійство всаженнаго // в темницу	иже// за крамолу и оубійство всаженнаго в // темницу
Стлб. 1, стр. 20.	
в немъ// же не бѣ никто же никогда же // положе.	...в нем же // не бѣ никто же никогда же положенъ.//
Стлб. 2, стр. 13.	
// приключшихся.	// приключшися.
26) *Л. 18 б (6-го сч.) стлб. 2.*	
Заставка поставлена правильно.	Заставка низом вверх.
27) *Л. 52 а (6-го сч.) стлб 2, стр. 6.*	
//Прочее оубо братіе прашаем//	// Тѣм же оубо братіе прашаем//
Стлб. 1, стр. 10, пришествіи// (т—с высокой палочкой).	пришествіи (т — в 3 палочки).
Стр. 20.	
єдіна//	єдінаго //
Стлб. 2, стр. 10.	
бви, тако же// и ходите	бгови, тако// же и ходите
Л. 52 б.	
Инициалы *А* и *С* 1-го вида.	Инициалы *А* и *С* — 2-го вида.

Мелкие расхождения набора, без изменения текста, встречаются на обеих страницах и помимо указанных.

28) *Л. 69 б (6-го сч.) стлб. 2, стр. 31.*	
Инициал *И* — 5-го вида.	Инициал *И* — 1-го вида.
Л. 70 а стлб. 2, стр. 4.	
Инициал *И* — 1-го вида.	Инициал *И* — 4-го вида.
Л. 70а представляет продолж. л. 69б.	
29) *Л. 71 а (6-го сч.) стлб. 2, стр. 33—34.*	
В виде концовки — звездочка.	Звездочки нет.

100 1-го вида | 101 2-го вида | 102 3-го вида | 103 4-го вида | 104 5-го вида

Рис. 100—104. *Виды инициала И из острожской Библии*

105
Заставка 1-го вида

106
Заставка 2-го вида

107
Заставка 3-го вида

108
Заставка 4-го вида

Рис. 105—108. *Заставки из острожской Библии*

Список экземпляров острожской Библии, находящихся в Отделе редких книг Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, с указанием вариантов, отступающих от нормального (1-го) вида.

1580 г.

Экз. 1 — собрания Е. Е. Егорова (№ 8); варианты: 11-й, 17-й, 20$_a$-й и 21-й — 2-го вида.

Экз. 2 — неизвестного происхождения; варианты: 6-й, 12-й и 27-й — 2-го вида.

Экз. 3 — собрания Е. Е. Егорова (№ 234); варианты: 6-й, 12-й и 27-й — 2-го вида.

Экз. 4 — из книжного магазина П. П. Шибанова; варианты: 6-й, 16-й, 17-й, 20$_a$-й и 21-й — 2-го вида.

Экз. 5 — собрания Е. Е. Егорова; варианты: 9-й, 12-й, 13-й, 17-й, 21-й, 26-й, 27-й и 28-й — 2-го вида.

Экз. 6 — Румянцевского музея (№ 46); варианты: 6-й и 27-й — 2-го вида, прочие листы нормального (1-го) вида, но, кроме того, вложены листы с вариантами 2-го вида: 1-м, 8-м, 13-м, 14-м и 15-м.

Экз. 7 — Румянцевского музея (№ 46 а); варианты: 6-й, 20$_a$-й и 22-й — 2-го вида.

Экз. 8 — Московской духовной академии; варианты: 9-й, 17-й, 21-й, 26-й и 27-й — 2-го вида.

1581 г.

Экз. 9 — библиотеки Рогожского кладбища (№ 229); варианты: 6-й, 17-й, 21-й и 27-й — 2-го вида.

Экз. 10 — собрания А. А. Котельникова (№ 4); варианты: 6-й и 27-й — 2-го вида.

Экз. 11 — библиотеки Рогожского кладбища (№ 9); варианты: 4-й, 10-й, 17-й и 20$_a$-й — 2-го вида.

Экз. 12 — собрания Е. Е. Егорова (№ 222); варианты: 4-й, 8-й, 12-й, 17-й, 21-й, 24-й, 27-й и 28-й — 2-го вида.

Экз. 13 — собрания Г. М. Прянишникова; варианты: 1-й, 13-й, 20$_а$-й и 25-й — 2-го вида.

Экз. 14 — Музея книги (№ 10 Р); варианты: 4-й, 18-й, 19-й, 25-й и 27-й — 2-го вида.

Экз. 15 — собрания А. С. Норова варианты: 3-й, 4-й, 8-й, 13-й, 14-й, 18-й, 20$_б$-й и 22-й — 2-го вида.

Экз. 16 — неизвестного происхождения; варианты: 6-й и 20$_а$-й — 2-го вида.

Экз. 17 — собрания А. С. Норова ($F^8/_{22}$); варианты: 4-й, 17-й, 20$_а$-й, 21-й, 26-й и 28-й — 2-го вида.

Экз. 18 — В; варианты: 4-й, 15-й, 19-й и 27-й — 2-го вида.

Эхз. 19 — собрания Сологуб-Боде-Колычевой; варианты: 4-й, 6-й, 12-й и 20^а-й — 2-го вида.

Экз. 20 — собрания В. А. Харитоненко; варианты: 6-й и 20$_а$-й — 2-го вида.

Экз. 21 — Общества истории и древностей российских; варианты: 4-й, 9-й, 12-й, 20$_а$-й и 21-й — 2-го вида.

Экз. 22 — неизвестного происхождения; варианты: 8-й, 12-й, 20$_б$-й и 23-й — 2-го вида.

Экз. 23 — из имения „Отрада" Орловых-Давыдовых; варианты: 6-й, 20$_б$-й — 2-го вида;

Экз. 24 — библиотеки Троице-Сергиевой лавры, отд. 2, № 2; варианты: 9-й, 20$_б$-й и 21-й — 2-го вида.

Экз. 25 — собрания Е. Е. Егорова; варианты: 4-й, 15-й, 17-й, 21-й, 23-й и 27-й — 2-го вида.

Дефектные, без листа с выходными сведениями

Экз. 26 — библиотеки Генерального штаба; варианты: 6-й, 9-й, 12-й, 16-й, 20^а-й и 21-й — 2-го вида.

Экз. 27 — библиотеки Троице-Сергиевой лавры, отд. 2, № 1; варианты: 8-й, 12-й, 16-й, 21-й и 27-й — 2-го вида.

Экз. 28 — дублет Отдела рукописей, варианты; 4-й, 7-й, 8-й, 12-й, 13-й, 17-й, 20^б-й, 24-й, 29-й — 2-го вида;

Экз. 29 — Московской епархиальной библиотеки; варианты: 5-й, 6-й, 9-й, и 27-й — 2-го вида.

Приложение 3.

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ УПОТРЕБ ИВАНА ФЕДОРОВА В ПОЗД

	Заглавие	Годы	Рамка	Застава				
Москва	Апостол	1564	лист с гравюрой	1а	3а	55а	63а	70а
Москва	Часовник	1565						
Заблудов	Евангелие учительное	1569		Тит. л.				
Заблудов	Псалтирь с часословом	1570						
Львов	Апостол	1574	оба лл. с гравюрой		3а	55а	63а	70а
Острог	Библия	1580—1581	Тит. л.				1а [3]	
Острог	Сборник	1588						
Острог	О постничестве	1594						
Острог	Апокрисис	1598						
Острог	Отпис	1598						
Львов	О священстве	1614						
Львов	Октоих	1630						233а
Львов	Анфологион	1632			1а [1]	102а		
Львов	Евангелие	1636						
Львов	Анфологион	1638			1а [1]			
Львов	Октоих	1639						259а
Львов	Анфологион	1643			1а [1]	172а		366
Львов	Евангелие	1644				110а		
Львов	Октоих	1644						258а
Львов	Анфологион	1651						
Львов	Триодь постная	1664						
Львов	Апостол	1666						
Львов	Евангелие	1670				179а		
Львов	Октоих	1686				98а		89а
Львов	Триодь цветная	1688				172б		345а
Львов	Евангелие	1690			114а [7]			
Львов	Апостол	1696						
Львов	Триодь постная	1699						
Львов	Евангелие „1690“	ок. 1704			114а [2]			
Львов	Апостолы и Евангелия недели	1706						
Львов	Апостол	1719						179а
Львов	Октоих	1733						258а
Львов	Октоих	1739						
Львов	Триодь цветная	1746						247а
Львов	Триодь постняя	1753						159а посл.
Львов	Служебник	1759						сч.: 346
Львов	Апостол	1772				51а		

[1] С добавлением угольников. [2] Без добавления угольников, укороченная, [3] В измененном виде. [4] Верхуш-

к и						Концовка	Инициалы		Заставки					
82а	83а	91а	113а	133а	191а	81а [6]	75а	56а						
									1а	65а	100а	127а	150а	160а
1а						122б	1а					399а		376б
												В конце предисловия		
	157б	208а	113а	133а	91а	133б	75а	56а				149а		83б
										2-й сч.: 1а		3 сч. 174а		
													Посл. л. Тит. л.	
												25 нн.б	Посл. л.	стр. 23
	29б	69а	171а	1а					16[6]					
	14б	127а	238б									156а		101б
			183а											
	14б				415а									285б
	39б	89а	90а											
			431а		180б									
		89а	90а									343б		
												667б		
												250б		206а
			81а	125б	79а			52а						
			184а									12 нн.а		109б
			298а [4]											
			190а [4]		60а									
												210а		
			2 нн. а [4]											
										17б	114б			
		80а			67а									
		89а	90а [5]											
		176а												
		378а												
		369а												

[4] ка не отпечатана. [5] Верхушка отпечатана. [6] Отпечатана не во всех экземплярах. [7] Бывает вариант.

Приложение 4.

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ УПОТРЕБЛЕНИЕ ДОСОК ЗАБЛУДОВСКОГО ОРНАМЕНТА ИВАНА ФЕДОРОВА В ПОЗДНЕЙШИХ ИЗДАНИЯХ

	Заглавия	Годы	Герб Ходкевича	Заставки				Инициалы									
Заблудов	Псалтирь с часосл.	1570	Л. с вых. свед. б.	3 а	13 а	2-й сч.: 9 б	3-й сч.: 17 а	Б	В	$Г_1$	$Г_2$	И	М	Н	П	С	Ч
Львов	Апостол	1574	1 нн. б.									260 а					
	О священстве	1614		стр. 164	стр. 145	стр. 24	26 нн. а					26 нн. а	стр. 1		стр. 25	стр. 108	
	Служебник	1637				2 нн. а		20 б	5 нн. а	3 а	19 а				49 а		
	Триодь постная	1664											280 б	205 а	109 б		
	Служебник	1666												221 б	196 а		
	Требник	1682													320 а		
	Октоих	1689													120 а		
	Требник	1695						54 б							320 а		
	Псалтирь	1708						166 б					102 а	152 б	99 а (опеч. 97)		
	Служебник	1712					2 а							148 а			
	Апостол	1719											203 аа				
	Ирмолог	1757						25 б									
	Апостол	1772															2 нн. а

Примечания: 1. В обозначении счета листов заблудовской Псалтири возможны неточности, вызванные дефектностью экземпляра.

2. Инициалы, отпечатанные вероятно, с тех же заблудовских досок, встречаются и в других изданиях, но список этих отпечатков не приведен полностью, так как многие отпечатки крайне неясны и не позволяют установить тождество досок.

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ УПОТРЕБЛЕНИЕ ДОСОК ЛЬВОВСКОГО ОРНАМЕНТА ИВАНА ФЕДОРОВА В ПОЗДНЕЙШИХ ИЗДАНИЯХ

	Заглавия	Годы	ЗАСТАВКИ.																		КОНЦОВКИ							Инициал	Марка типографии
Львов	Апостол	1574	2 нн. а	4 нн б	6 нн. б	56а	62а	69а	75а	82а	83б	84а	86а	111а	134а	150а	159а	167а	174а	199а	212а	212а	6 нн. а	15 нн. б	53 б	61 а	69 б	83 а	241 б	13а	264 б
Остр-рог	Н. Завет	1580																											4нн. а		
	Библия	1580—81																					3-й сч.: 168а	2-й сч.: 193 б		3-й сч.: 149 б	3-й сч.: 162 б	2-й сч.: 184 б			
	О священстве	1614																					стр. 163	стр. 443	29 нн. б	стр. 436	стр. 165	стр. 24	стр 210		
	Октоих	1630		153 а	97 а	2а	22а		202а	137а	55а	36а		119а	170а	203а	68а	36а	102а	293а		110а			109 б		136 а		201 б		
	Анфологион	1632	40а	21 б	49 б		93б		291а	477б	107а	48б	175а	64а	27а	261а	—	77б	384б			35а	93а	195 б		48 а		68 а			
	Евангелие	1636			297 а	1а	8нп.а	178а			108а	300а	296а		5нп. а		113а					384а			110 а		299 а				
	Анфологион	1633	40а	21 б	49б				316а		245а	48б	182а	64а	27а	203а	531а		78а			35а	181б	48 а	68 а	26 б		375 а			637 б[3]
	Октоих	1639		348 б	82б				47а	218а		46а			182а	2а	299а	219а	1а			253б		258 б				131 б			
	Анфологион	1643	411а	60 а	22б	358а	114а			447б	208а	74б	207б	124а[1]	59б		28а		326а	42а	65а	220б	180а	357 б	22 а	351 б	649 а				
	Евангелие	1644	5 нн.	8 нн. а				178а			107б	300а	296а				112а			396а		384а					111 а				
	Октоих	1644		29 б	277а	1а			133а	132а		47а				2а	259а		48а			35а		1 б		131 б		46 б			
	Анфологион	1651				340а	365а		443б	354а		80б					71а	132б	309б	171б	359б					541 б					672 б
	Триодь цветная	1663	190а	160 а		1а		424а	308а			18а	376а										282б			64 б	17 б			386а	
	Триодь постная	1664	427а	163 а														2нн.а									75 а	153 б			
	Апостол	1666				1а	51а				83а				212а	52а	7нп.а	2нн.а	194а				49б	83 б		161 б	167 б		50 б	5нн.а	
	Служебник	1666																											74 б		
	Евангелие	1670										301а	297а		2нн.а		114а										297 б			184а	
	Требник	1682																					11 б								
	Октоих	1686							90а		35а	2а		29б		177а	1а	47а					217б	46 б		1 б	29 а	343 б			
	Триодь цветная	1688	283а	160 а								18а				329а	1а						282б			64 б	159 б			386а	440 б
	Октоих	1689																									27 б				
	Евангелие	1690	2нн.а				8нн. а															179а								184а	
	Часослов	1692																									109 а				
	Анфологион	1694																								667 б	284 б				672 б
	Требник	1695																					315б								
	Апостол	1696					65б										8нн.а	145а									108 б			4нн.а	
	Триодь постная	1699	427а				163а		2нп.а																	75 а	145 а	153 б			
	Триодь цветная	1701		160 а														1а					307б								
	Евангел. „1690“	(ок. 1704)	112а																			179а								184а	
	Триодь постная	1717		168 а										307б				2нн.а					145а								
	Апостол	1719	6нн. а	166 б															73а											1 а	
	Требник	1719																					34 а (опеч. 41)	418 б							
	Евангелие	1722	3 нн. а						114а	301а																					
	Октоих	1733							133а	132а		47а				218а			48а												
	Анфологион	1738					322а			518б							181а						88а	96 а		145 а	175 а		338а		Посл. л. б.
	Октоих	1739					296			2 а		217а														132 б	1 б		163 б		
	Евангелие	1743		308 а						3нн.а												186а									
	Триодь цветная	1746		114 б						174б		283а			413б	331а	184б		309б			167б				175 б					
	Триодь постная	1753				9а				84 б		205а				246б	197б	193б	142а			14б[2]	84а								
	Ирмологий нотный	1757																						60 б			посл. л. б.				
	Служебник	1759																	3нн.а												
	Октоих	1765					98а			2 а		177а										109а	1 б		34 б						
	Апостол	1772			81 б		181б	65б														3нн.а	12 нн б			202 а		83 а			

[1] Без верхушки. [2] Обрезана сверху. [3] С изменениями, дальше также. [4] Приложение 4 см. стр. 30.

Приложение 6

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ УПОТРЕБЛЕНИЕ ДОСОК ОСТРОЖСКОГО ОРНАМЕНТА ИВАНА ФЕДОРОВА В ПОЗДНЕЙШИХ ИЗДАНИЯХ

	Заглавия	Годы	Концовка	Заставка
Остров	Библия	1580—81	2-й сч.: 97а	3-й сч.: 71а
	О священстве	1614	3 нн.а	
	Октоих	1630	102б	
	Анфологион	1632	469б	
	Анфологион	1638	172б	
	Анфологион	1643	207а	
Львов	Евангелие	1644	182а	
	Октоих	1644	29а	
	Триодь цветная	1701	17а	
	Апостолы и Евангелия	1706		1а
	Псалтирь	1708	173б	
	Служебник	1712	125б	
	Триодь постная	1717	4 нн.а	
	Апостол	1719	5 нн.б	
	Евангелие	1722	109б	
	Апостол	1772	50б	

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

Шрифты шести анонимных изданий. Рис. 1—4.
Украшение из Евангелия 4-го шрифта. Рис. 5.
Заставка и инициалы из Евангелия 4-го шрифта. Рис. 6—8.
Заставки из Евангелия 4-го шрифта. Рис. 9—10.
Заставки из Часовника 1565 г. Рис. 11—12.
Заставка из Апостола 1564 г. (л. 134а). Рис. 13.
Заставка из Евангелия 4-го шрифта (л. 115а 3-го счета). Рис. 14.
Концовка из Апостола 1564 г. Рис. 15.
Инициалы из книги Versehung von Leib, Seele, Ehre und Gut. Nürnberg 1489. Рис. 16—18.
Герб Г. А. Ходкевича из заблудовской Псалтири с часословцем. 1570 г. Рис. 19.
Заставка из Апостола 1564 г. (л. 63). Рис. 20.
Заставка из острожской Библии (л. 1а 2-го счета). Рис. 21.
Страница из „Грамматики еллино-славянского языка". Львов. 1591. Рис. 22.
Заставки из московского Апостола 1564 г. (лл. 91а, 190а). Рис. 23, 24.
Заставки из львовского Апостола 1574 г. (лл. 242а и 167а). Рис. 25, 26.
Составная концовка из львовского Октоиха 1630 г. Рис. 27.
Заставка из Часовника 1565 г. Рис. 28.
Заставка из острожской Библии. Рис. 29.
Заставки из московского Часовника 1565 г. Рис 30—32.
Водяные знаки из Евангелия 1-го шрифта. Рис. 33—47.
Водяные знаки из Псалтири 1-го шрифта. Рис. 48—51.
Водяные знаки из Триоди постной 2-го шрифта. Рис. 52—78.
Водяные знаки из Евангелия 3-го шрифта. Рис. 79—99.
Виды инициала *И* из острожской Библии. Рис. 100—104.
Заставки из острожской Библии. Рис. 105—108.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 5
Первая типография в Москве . . . . . 7—31
Типография Ивана Федорова в Москве . . . . . 32—46
Типография Ивана Федорова в Львове . . . . . 47—54
Типография Ивана Федорова в Остроге . . . . . 55—65
Применение типографского материала Ивана Федорова после его смерти 66—78
Выводы 79
Приложения:
1. Водяные знаки в анонимных изданиях . . . . . 80—91
2. Варианты острожской Библии . . . . . 92—98
3. Синоптическая таблица, показывающая употребление подлинных досок московского орнамента Ивана Федорова в позднейших изданиях . . . . . 100—101
4. Синоптическая таблица, показывающая употребление досок заблудовского орнамента Ивана Федорова в позднейших изданиях 102
5. Синоптическая таблица, показывающая употребление досок львовского орнамента Ивана Федорова в позднейших изданиях . . . . . 102—103
6. Синоптическая таблица, показывающая употребление досок острожского орнамента Ивана Федорова в позднейших изданиях 103

Перечень рисунков 104

А 93838. Подп. к печ. 13/II-47 г. Объем 6½ п. л. Заказ 221. Тир. 5.000
Типография Библиотеки им. В. И. Ленина. Москва, ул. Маркса-Энгельса, 14

Цена 10 руб.